К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний об ученых-физиках

Выпуск 19-й

В.В.Ульянов

ВОСПОМИНАНИЯ
ФИЗИКА-ТЕОРЕТИКА

Часть первая

Харьков 2008

К 200-летию Харьковского университета

В.В.Ульянов

ВОСПОМИНАНИЯ ФИЗИКА-ТЕОРЕТИКА

I

Харьков 2008

УДК 53:378.096(477.54)(081) ХНУ
ББК 74.58я 44 ХНУ
У 51

Ульянов В.В. Воспоминания физика-теоретика. Ч.1. - Х.: ХНУ имени В.Н.Каразина, 2008. - 108 с.

Издание приурочено к 200-летию нашего Университета. Это первая часть воспоминаний. В ней собраны рассказы, опубликованные ранее в отдельных книжках, посвященных физикам, работавшим в нашем Университете, – коллегам и учителям автора.

Для широкого круга читателей.

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© В.В.Ульянов, 2008

П Р Е Д И С Л О В И Е
к книге об академике И.М.Лифшице

Неумолимая река времени уносит годы, столетия, тысячелетия... Вот уже и двадцатый век – век великих открытий в физике – стал достоянием истории. А двадцать первый век уже делает первые шаги в новое тысячелетие. Что он готовит нам?

Одна из славных дат на рубеже второго и третьего тысячелетий – 200-летие Харьковского университета. Эта дата обязывает нас подводить итоги, строить планы на будущее. Поэтому инициатива профессора кафедры теоретической физики В.В.Ульянова представляется актуальной и своевременной. Владимир Владимирович предложил создать серию неформальных воспоминаний о выдающихся физиках Харьковского университета. Он же первым реализовал свой замысел.

Читателю предлагаются “Воспоминания” В.В.Ульянова о своем учителе академике Илье Михайловиче Лифшице – выдающемся физике-теоретике, соратнике и преемнике Л.Д.Ландау, главе всемирно известной харьковской школы физиков-теоретиков, основателе кафедры теоретической физики Харьковского университета. Вместе со своими учениками Илья Михайлович создал современную теорию твердого тела. Работая в Харьковском университете, он воспитал несколько поколений учеников, которые стали выдающимися физиками. Второе издание “Воспоминаний” приурочено к 90-й годовщине со дня рождения И.М.Лифшица. Вдова Ильи Михайловича – Зоя Ионовна, прочитав “Воспоминания”, написала автору: “Спасибо Вам за воспоминания об Илье Михайловиче. Они очень личные и легко читаются”. Хотя и сам Владимир Владимирович считает их личными, они выходят за рамки взаимоотношений учителя и ученика. “Воспоминания” с удовольствием прочитают все, кто интересуются историей физики, кто пожелает окунуться в атмосферу тех лет, когда создавалась теория твердого тела.

С течением времени уходят и люди. Уже нет многих представителей школы И.М.Лифшица – тех, кто делал физику 20-го века не только полезной, но и романтической. Развитие их идей, воспоминания современников о них – лучший им памятник.

А.М.Ермолаев

Илья Михайлович Лифшиц

Прошлое всегда кажется удивительным и романтичным.
Д.Гранин

Введение

Иногда забываешь даже то, что было несколько дней назад. Что уж говорить о событиях многолетней давности... Однако некоторые яркие эпизоды запечатлелись навсегда. Возможно, они несколько искажены наслоениями десятилетий, опытом прошедших лет и отражением других событий. К сожалению, каких-либо записей не делал. Не предполагал, что придет время, когда захочется воспроизвести что-то из жизни тех лет.

Первая часть воспоминаний относится в основном к 1950-м годам и посвящена главным образом Илье Михайловичу Лифшицу – выдающемуся физику-теоретику, одному из соратников Ландау и его преемнику в ИФП АН СССР. Это попытка собрать разрозненные впечатления о встречах с НИМ. Это короткие рассказы о чтении ИМ лекций по курсу термодинамики и статистической физики, а также спецкурсов "Физическая кинетика" и "Квантовая статистика", о том, как ОН принимал экзамены по этим курсам и по кандидатскому минимуму, о некоторых гранях ЕГО характера и ходивших легендах о НЕМ, об эпизодах из жизни ЕГО аспиранта, о первых годах моей работы на кафедре, о некоторых коллегах по кафедре. Хотя кафедра и называлась "статистической физики и термодинамики", но специализация была "теоретическая физика". Любопытно, что на фотографии Ильи Михайловича в нашем выпускном альбоме написано "зав. каф. теор. физ.".

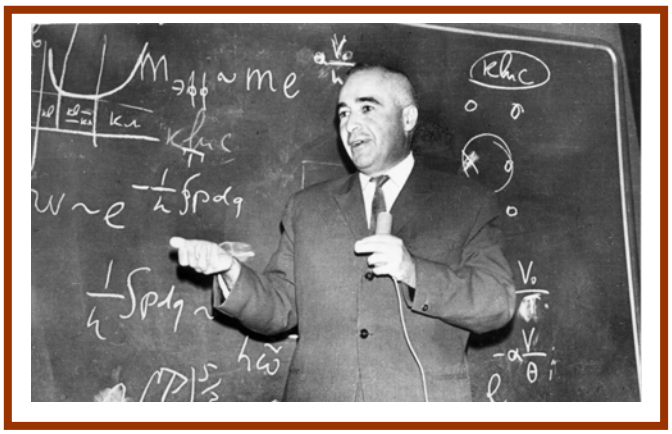
Просматривая сегодня сохранившиеся конспекты ЕГО лекций, горько сожалею, что нет там никаких записей о НЕМ, об интересных случаях на лекциях и т. п.

Лекции

Первые воспоминания о НЕМ. Это было на третьем курсе. Илья Михайлович читал общий курс термодинамики и статистической физики. Студенты уже знали ЕГО и рассказывали о НЕМ какие-то легенды. Однако достаточно было того, что ОН был близок к самому Ландау.

Лекции читались в Ленинской аудитории старого здания университета. ОН был оживленным, широко улыбался, был приветлив и корректен (слово "коррэктно" было одним из ЕГО любимых; вообще во многих словах у НЕГО звучало твердое "э": "рэакция", "рэзультат" и т. п.).

Студенты относились к НЕМУ с большим уважением, но без страха. В те времена ЕГО нельзя было назвать искусным лектором, но ЕГО курс отличался строгостью и оригинальностью. Правда, иногда ОН допускал какие-то неточности, что-то забывал или получал неверные, по ЕГО мнению, результаты. Стараясь поправить дело, ОН смущенно



приговаривал, сосокая, "ссяс-ссяс" ("сейчас-сейчас"). Мы волновались в эти мгновения за НЕГО, сочувствовали, но ОН всегда быстро обнаруживал, в чем дело, с честью выходя из неловкой ситуации. Видимо, ОН в те времена не очень тщательно готовился к лекциям, не считая их своим главным делом. Говорили, что потом ОН резко повысил свое лекторское мастерство. Практических занятий ОН не вел, так что других контактов с НИМ у меня не было. Не удалось мне встретиться с НИМ и на экзамене.

Недавно мой сокурсник вспомнил забавный случай, когда Илья Михайлович, увлекшись чтением лекции, по рассеянности засунул тряпку для стирания с доски в карман своего пиджака, окончательно измазавшись мелом и вызвав соответствующую реакцию студенческой аудитории.

Помнится, ОН как-то позволил себе опоздать на лекцию. Наиболее нетерпеливые "сачкисты" установили предельный срок, кажется, в десять минут, после чего большинство курса "смылось" в кино или еще куда-то.

Экзамены

В те годы Илья Михайлович принимал экзамены с ассистентами, приходя не к началу, а часа через два. К этому времени обычно студенты уже заканчивали подготовку, а лучшие из них даже успевали сдать экзамен. К тому же тогда было привычным сдавать без подготовки. Это было некоторой доблестью. Считалось смелым поступком (особенно у строгих экзаменаторов). Поэтому, когда ОН приходил на экзамен, то часто ЕМУ доставались троечники и двоечники. ОН, однако, получал удовольствие от их ответов.

Например, ЕГО очень умиляло, когда в ответ на вопрос, что обозначено буквой "тэта" (ОН любил так обозначать температуру), ЕМУ говорили, что это угол и т. п. ОН смеялся до слез. Некоторые хитрецы умышленно путали обозначения, чтобы доставить радость своим несуразным ответом знаменитому Ильмеху.

Впоследствии ОН не участвовал в приеме экзаменов, препоручая эту миссию тем, кто вел практические занятия по ЕГО курсу.

На кафедре

Поближе удалось ЕГО узнать после распределения по кафедрам. Мне выпало стать теоретиком. Произошло это примерно так.

Рассказывали историю о том, как ОН однажды побывал в лаборатории экспериментаторов и нанес значительный урон, то ли что-то включив не туда, то ли подействовав на приборы одним своим присутствием. Однажды мне довелось побывать в одной из таких лабораторий (а может быть, и в той самой) в старом физическом корпусе. В ужасной тесноте, – все было заставлено приборами, провода хаотически переплетались, стеклянные колбы и баллоны дополняли неописуемое впечатление, – находилось место для нескольких человек, копошившихся в таких фантастических условиях. Мне было сказано, что тут и для меня найдется уголок, если дело дойдет до реализации предложенного мне Борисом Иеремиевичем Веркиным проекта воссоздания установки для параметрического резонанса Мандельштама. Видимо, подсознательно уже тогда у меня сложилось впечатление, что экспериментальное поприще не для меня, хотя конструировать и работать руками был приучен с детства. Перспектива работать в столь диких условиях отбивала всякое желание экспериментировать.

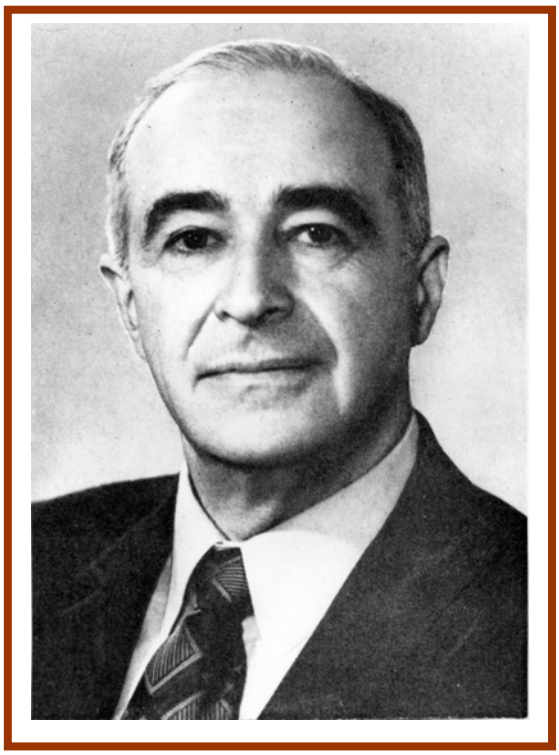
Покопавшись в литературе и изучив описание прибора и теорию, я затягивал разговор с Веркиным, и он вскоре, видимо, понял, что я, не

проявив должного рвения, не гожусь для этой деятельности. Вот таким образом и решился вопрос о выборе специализации, – оставалось стать теоретиком.

Спецкурсы

Нашей группе теоретиков ОН читал два спецкурса: "Физическую кинетику" и "Квантовую статистику". Запомнился такой случай во время сдачи экзамена по спецкурсу. Илья Михайлович посадил нас (а в группе было всего 5 человек) в маленькой комнатке и начал раздавать задания, состоявшие из вопросов и расчетной задачи.

Обычно я старался сдавать экзамены без подготовки, так что, когда ОН стал формулировать мое задание, я попросил разрешения ответить сразу. С моей стороны, это выглядело как попытка избежать решения задачи. С ЕГО стороны, это несколько задерживало ЕГО, поскольку ЕМУ нужно было срочно куда-то уйти, оставив нас готовиться. Поколебавшись, ОН все же согласился, а я с облегчением и большим подъемом быстро ответил ЕМУ, так как тоже рассчитывал поскорее куда-то убежать. Мне показалось тогда, что ОН остался доволен моим ответом. Видимо, это сыграло важную роль в наших дальнейших отношениях, – то был наш первый профессиональный контакт.



На 5-м курсе Илья Михайлович читал нам лекции по квантовой статистике. Часть материала предлагалась в виде докладов, которые студенты должны были самостоятельно подготовить. Помню, что мне достались две темы: случай ферми-операторов в методе вторичного квантования и эффект де Гааза-ван Альфена при произвольном законе дисперсии (по ЕГО работе с Арнольдом Марковичем Косевичем). В те времена учебников фактически не было, кроме курса Ландау и Лифшица, так что приходилось многое самостоятельно прорабатывать. Разбирать же статью из ЖЭТФа

было совсем сложно. ОН посоветовал мне обратиться за консультацией к ЕГО аспиранту. Этот аспирант жил в общежитии на улице Артёма.

Вот при каких обстоятельствах мне посчастливилось познакомиться с Валентином Григорьевичем Песчанским, который очень дружелюбно принял меня в маленькой комнатке, где жили вместе с ним еще, кажется, двое или трое аспирантов. Хотя Валентин Григорьевич был гораздо старше меня (в те времена разница в несколько лет представлялась мне огромной дистанцией), он сразу же сумел заставить меня быть с ним на "ты". С тех пор он всегда опекал меня и давал дружеские советы и напутствия.

Так Илья Михайлович прививал нам навыки самостоятельной работы, приучал к преодолению стеснения при выступлениях перед аудиторией с научным сообщением, развивал сотрудничество между своими учениками. Это были элементы формирования научной школы.

На защите диссертации

Однажды мне удалось побывать на Ученом совете физмата. Дело было в старом здании университета, в физической аудитории. Помню, что кто-то посоветовал пойти посмотреть поучительный научный спектакль - защиту диссертации. К тому же защищаться должен был сам Арнольд Маркович Косевич - известный уже тогда талантливейший ученик Ильи Михайловича. Пробрался я задолго до начала церемонии на свое излюбленное место в этой аудитории, откуда все хорошо видно.

Зрелище было колоссальное. Собрались знаменитые люди. Каждого в отдельности приходилось видеть и раньше, но вот всех вместе, да еще в столь торжественной обстановке... Словом, это было яркое представление, запомнившееся навсегда. Героями были Арнольд Маркович, которого я видел, кажется, впервые, и Илья Михайлович, которого предстояло узнать в новом качестве.

События развивались быстро и бурно. Особенно запомнилась дискуссия, развернувшаяся после защиты диссертанта. Схлестнулись Илья Михайлович и Борис Яковлевич Пинес. Они что-то доказывали друг другу, не обращая внимания на окружающих. Мне даже стало обидно за главного героя, о котором и вовсе забыли на какое-то время. Спор был очень жаркий, но все было в рамках корректного поведения. Никаких личных оскорблений, никакого рукоприкладства. Спор шел во имя Науки.

Так мне удалось познать еще одну грань ЕГО личности. В прошлом году я попытался воспоминания об этом совете облечь в форму стихов и даже отважился подарить их Арнольду Марковичу.

Экзамены в аспирантуру

Перед окончанием университета, когда возникла проблема распределения на работу, Илья Михайлович предложил мне пойти либо в УФТИ, либо в аспирантуру ХГУ. Первый вариант отпал сразу, так как закрытые учреждения вызывали у меня антипатию.

Не помню, как, где и кому сдавал вступительные экзамены по языку. Зато очень четко врезалось в память, каким тяжким испытанием был экзамен по истории партии. Его принимала якобы комиссия, а фактически – пожилой преподаватель, читавший нам эту дисциплину на младших курсах. Не отрывая пальца от строки, он зачитывал нам свой конспект. В те времена этот предмет считался самым главным. Для меня он был недосягаем: нужно было заучивать даты, события, формулировки, цитаты, чего с малых лет я не умел. С большим трудом учились в школе обязательные стихи, что отбивало интерес к поэзии вообще.

Конечно, получился конфуз. Впервые за все годы учебы в университете я получил тройку. Меня всячески подбадривали более опытные товарищи по экзамену, говорили, что это хороший результат для студента физмата, так как многих просто гнали с экзамена, что с такой оценкой все равно принимают в аспирантуру. Так и вышло, однако унижение, которое пришлось испытать во время этого экзамена, надолго отравляло существование. То была осень 57-го с первым спутником, анекдотом о самой длинной фамилии "Ипримкнувшийкним...", очередной особой эпидемией гриппа. Впереди меня ожидали три года новой неопределенной формы существования под ЕГО непосредственной опекой.

В УФТИ

Однако избежать посещений УФТИ не удалось. После поступления в аспирантуру ОН потребовал, чтобы мне оформили пропуск в теоротдел, поскольку в Университете негде было встречаться и там ОН вообще бывал редко. К тому же ОН считал, что важную воспитательную роль должна сыграть обстановка в коллективе теоретиков для формирования нового ученика. Мне была очень неприятна процедура проникновения в запретную зону. Однако хуже всего было то, что я

увидел в теоротделе: одни играли в шахматы, другие трепались на далекие от физики темы. Словом, обстановочка была явно не для меня - необщительного индивидуалиста. Контакты с НИМ в этих условиях также были затруднены, поскольку непрерывно кто-то заходил в ЕГО кабинет и бесцеремонно отвлекал ЕГО от наших дел. Мне кажется, что там я был лишь дважды. Причем только один раз удалось заняться делом – мне поручили составить отзыв об одной диссертации. ОН тоже, видимо, вскоре понял бесперспективность моих посещений УФТИ. В дальнейшем наши редкие встречи проходили чаще всего у него дома (впрочем, их за все годы было, кажется, порядка десяти).

Кандидатский минимум

Основное время аспирантуры ушло на подготовку сдачи кандидатского минимума. Нужно было освоить полный курс теоретической физики по специальной программе, переходившей от одного поколения аспирантов к другому. Небольшую часть этого многотомного курса мы сдавали во время приемных экзаменов (теоретическую механику и теорию поля). Для меня ситуация осложнялась тем, что нам не читали спецкурса по квантовой электродинамике, так что пришлось солидно проштудировать в то время появившуюся монографию Боголюбова и Ширкова. Фактически все аспирантские годы ушли на подготовку экзаменов – каждый раздел сдавался отдельно. Кроме того, в течение первого года обучения в аспирантуре нам читались лекции по философии, а также нужно было подготовить соответствующий реферат, и велись весьма интенсивные занятия по английскому языку.

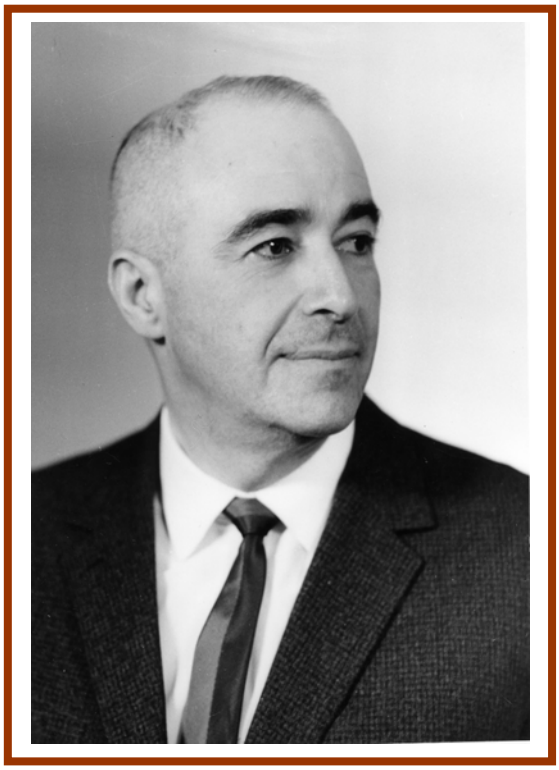
Илья Михайлович принимал экзамены в разной обстановке. Так, хорошо запомнилась сдача экзамена по статистической физике и термодинамике. Дело было в актовом зале старого корпуса на Университетской улице. В одном конце зала находилась заведующая аспирантурой, а в другом расположились мы с Ильей Михайловичем. Задав вопросы и расчетную задачу, ОН деликатно удалился, сославшись на некие дела.

Помню также сдачу экзамена по квантовой теории поля дома у Ильи Михайловича, в ЕГО кабинете, заставленном, кажется, какими-то папками. Как потом выяснилось, это были кляссеры с марками. ОН был одним из самых крупных филателистов СССР.

Там же сдавалась и квантовая механика. С этим экзаменом связан эпизод, когда ОН с огорчением говорил, что был очень близок к тому, что удалось сделать БКШ в теории сверхпроводимости. Ссылался на одну из своих работ. Порылся в поисках оттисков среди папок и бумаг, но так и не обнаружил их.

Путь к НЕМУ

Побывать у НЕГО дома мне довелось раза два-три. Если идти по улице Чайковского от Пушкинской, то по правую сторону можно обнаружить некие тайные ворота и проходную. В то время вход здесь уже был свободным. Это была жилая зона УФТИ. Вы входите и идете... нет-нет, не налево (это по дороге ко Льву Элеазаровичу Паргаманику), а направо. Подъезд? Вероятно, в середине дома. Какой этаж? Кажется, второй. Номер квартиры? Не помню. Какая была дверь? Цвет? Обивка? Был ли почтовый ящик на двери или щель для почты? Совершенно ничего не помню, поскольку состояние было такое, что чувства охватывали особые, на деталях внимание не фиксировалось. Смотрел, видимо, на часы, чтобы быть точным.



Кажется, у двери был звонок. Перед священной дверью застывал на несколько мгновений. А вдруг свидание не состоится? ЕГО ведь могли куда-то вызвать. Могло же что-то по дому случиться. Нет. ОН всегда был готов встретить гостя. Кто-то из домашних мелькал в глубине квартиры. Хозяин приветливо улыбается, и вот мы уже в небольшом кабинете...

Обычно ОН при встречах был при парадной форме, гладко выбритый, в аккуратном костюме, всегда со светлой рубашкой и неброским галстуком. Но однажды, видимо, считая меня уже достаточно близким человеком, ОН позволил себе бриться, пока я готовился к сдаче экзамена. Все это сопровождалось извинениями за этакую бесцеремонность и оправданиями.

В МГУ

Еще один эпизод свидетельствует о ЕГО заботе о своих аспирантах. В Москве проходило очередное Всесоюзное совещание по физике низких температур. От Харькова поехала большая делегация. По настоянию Ильи Михайловича разрешена была командировка и мне. Впервые удалось побывать в главном корпусе МГУ и в физическом корпусе, послушать доклады в физической аудитории. Запомнились деловитый Н.Е.Алексеевский и молодой А.А.Абрикосов. Здесь впервые я услышал яркий эмоциональный насыщенный доклад Э.А.Канера.

Поражало великолепие, масштабы, интересные стенные газеты физиков с серьезными и шутливыми заметками. Можно было живьем наблюдать знаменитостей, о которых знали лишь по статьям в журналах, окунуться в ритм жизни физической конференции. Это оказывало чрезвычайно ободряющее воздействие, вселяло надежды и уверенность в правильности выбранного поприща.

Тема диссертации

На некотором этапе обучения в аспирантуре все же дошла очередь и до формулировки темы. Ильей Михайловичем были предложены на выбор три направления, которые были актуальными в то время: нелинейная квантовая теория поля, теория сверхпроводимости при произвольном законе дисперсии электронов, учет взаимодействия электронов в теории эффекта де Гааза – ван Альфена. После некоторых раздумий я выбрал последний вариант.

Конечно, главное внимание уделялось проработке теории для сдачи экзаменов, но параллельно понемногу готовилось и наступление на тему. Однако пока я только приступал к задаче, другие теоретики сделали работу по этой тематике и опубликовали ее. Правда, вскоре оказалось, что весь подход к этому вопросу был слишком узким и перекрывался более общей теорией, также вскоре опубликованной.

Из всей этой истории, однако, я извлек полезный урок, что не следует гнаться за модными новыми проблемами, где всегда подстерегает соперничество с более пробивными и оперативными людьми. Не раз в те времена и впоследствии приходилось быть свидетелем того, как научное соперничество выливалось в прямую вражду очень уважаемых мною людей.

Нужно было искать свою нишу, лежащую, может быть, и не на самом передовом рубеже, но из которой потом могло бы развиться

самостоятельное перспективное направление. Правда, на это ушли годы, но зато тематика выбиралась по своему вкусу, а не из престижных соображений.

После окончания аспирантуры и неудачной попытки с темой диссертации я не решался на публикацию получаемых результатов, считая их недостойными ученика Ильи Михайловича. Контакты с ним были весьма редкими (раз в два-три года). ОН всегда поддерживал идею работы, но мне все казалось мелким. Леонид Степанович Гулида всячески старался переубедить меня, рекомендовал сосредоточиться на каком-то, пусть не очень выигрышном, результате, но я ждал от себя большего. Теперь, перебирая бумаги и вспоминая, над какими задачами приходилось работать, я понимаю, что сделал большую ошибку, что все полученное вполне заслуживало опубликования, особенно в сравнении с тем, что появлялось и появляется теперь в физических журналах.

Первое время тематика моих поисков была все же близка к направлениям Ильи Михайловича. Только позднее, уйдя в другую область теории и найдя свою независимую нишу, я приступил к публикациям. Правда, старые работы тоже сыграли свою роль: кое-что пригодилось для первой моей книги "Задачи по квантовой механике и квантовой статистике", но главное было в приобретении опыта самостоятельной работы. Исписывались сотни страниц формулами, наращивались приемы преобразований, формировались навыки тяжкого труда теоретика, когда десятки страниц с расчетами приводят к одной скромной формуле в публикации.

Так произошел переход от вопросов электронной теории твердых тел через полосу промежуточных исканий к общим проблемам квантовой теории. К тому времени мне доверили после курса теоретической механики чтение ответственного курса квантовой механики. Это позволило глубже уяснить ситуацию в этой области теоретической физики и выявить те вопросы, которые были слабо разработаны или вовсе оставались белыми пятнами. Так родились тема кандидатской диссертации, а потом и докторской, поддержанные Ильей Михайловичем, после которых появились сразу несколько дорог – спиновые системы, квантовая кинетика, солитоны и компьютерное моделирование. Конечно, работать сразу в нескольких направлениях трудно, но, во-первых, накоплен некоторый опыт, во-вторых, есть ученики, в-третьих, только на первый взгляд это разные области деятельности: в действительности все эти вопросы до некоторой степени связаны между собой.

Туфли

Теплый солнечный день. По переулку идут трое. В центре – Илья Михайлович. Слева – Арнольд Маркович Косевич, уже широко известный теоретик, один из самых близких учеников Ильи Михайловича. Справа иду я, ЕГО новый аспирант.

Продолжая какой-то разговор, мои спутники обмениваются репликами. Совершенно не помню предмета этого разговора. Но вот ОН, видимо, почувствовав какую-то неловкость, обращает на меня внимание. В этой компании моя робость естественна. В их беседе я не смею участвовать. Взгляд ЕГО останавливается на моих туфлях. ЕГО реакция мгновенна: "Где Вы достали такие туфли!?" – что-то в этом роде восклицает Илья Михайлович. – "Это же очень модные туфли", – добавляет ОН. Я совсем теряюсь, не зная, что и сказать. Ведь туфли действительно хорошие, но тут нет моей заслуги. Хотя почти все предметы одежды я всегда покупал или заказывал сам, но вот обувь чаще всего получал в подарок от близких. Туфли были польские, оригинального цвета, с мелкими дырочками. Никогда ни до этого, ни после не носил туфель с дырочками. А вот, – поди ж ты, – исключение оказалось объектом ЕГО восхищения.

Что было потом? Куда мы направлялись? Ничего не помню. Ни до этого эпизода, ни после. Было ли это весной, осенью или летом? Запечатлелся только этот миг и место события. Запечатлелся комплимент. Но это ЕМУ комплимент – ЕГО вниманию, ЕГО дружелюбию, ЕГО способности заинтересоваться другим человеком, ЕГО деликатности...

Конец аспирантуры

К окончанию срока аспирантуры всплыла проблема трудоустройства. В те времена аспирантам давали назначение на работу. Сообщили, что для меня уготовано место в Днепродзержинске, на заводе-втузе. Новость была невеселой. Однако к этому времени уже образовался ФТИНТ и туда собрался переходить преподаватель нашей кафедры Дмитрий Григорьевич Долгополов. Мне было предложено занять его место. Дело с Днепродзержинском как-то замяли.

К этому времени стезя преподавателя мне уже не была столь чуждой, как до аспирантуры. Сыграли свою роль так называемые пробные лекции, которые положено было прочитать аспиранту. Лев Элеазарович

Паргаманик любезно согласился предоставить мне несколько часов своего спецкурса для изложения близких мне вопросов применения новых методов квантовой теории поля в статфизике (функции Грина, диаграммная техника и т. п.). В группе теоретиков IV курса как раз оказались некоторые ребята из тех, кто учился в моей подшефной группе I курса, когда я был пятикурсником. Среди них оказался и Александр Михайлович Ермолаев. Судьба и в дальнейшем сводила наши пути, за что я ей безгранично благодарен.

С 1 сентября 1960 года, за 2 месяца до конца аспирантуры, меня зачислили ассистентом в штат кафедры Ильи Михайловича.

Так закончились для меня прекрасные 50-е годы. Наступила пора сложных 60-х.

Семинар

Илья Михайлович руководил городским семинаром теоретиков, который проходил в большом зале Дома ученых по пятницам с 10 часов утра. Иногда удавалось убедить факультетских составителей расписания, чтобы теоретикам в это время не ставились занятия.

Присутствие на этих семинарах было очень полезным, особенно для начинающих теоретиков. Многое было непонятным, но здесь формировалась школа, вырабатывались навыки общения, постигались этические принципы, усваивались теорфизические приемы. Многие новые работы, положившие начало крупным направлениям в теории, докладывались по свежим следам, разбирались в деталях и становились ясными именно после докладов на этом семинаре.

К сожалению, не обошлось без неприятных инцидентов. Однажды два очень уважаемых мною маститых теоретика, мягко говоря, заспорили, очень подорвав веру в чистоту науки. Как потом выяснилось, они оспаривали приоритет в получении одного частного результата.

Для меня это было сильным ударом. Стало ясно, что нужно выбирать темы вдали от тех модных направлений, где не остается места для нешустрых и непробивных, или искать новые направления, где еще никто не успел захватить плацдарм.

Рассказывали, что Ландау был крайне жестким, даже жестоким человеком по отношению к некоторым лицам, работы которых или они сами ему не нравились.

Илья Михайлович был в этом отношении весьма терпимым и деликатным. Стараясь не обидеть людей, ОН мог критиковать что-то в самой работе или в направлении исследований, не затрагивая личность, не оскорбляя человеческого достоинства. По-моему, ЕМУ были чужды приоритетные распри. Иногда ОН сам докладывал на семинаре свои работы ("Сегодня я расскажу о том, каким образом... Хорошо известно, что... Однако... Оказывается, что... Или еще пример... Таким образом..."). Всегда среди слушателей находились те, кто по ходу делал некие замечания, вносившие оживление. Маленькая реплика или обмен мнениями вызывали ЕГО быструю живую реакцию: ОН расплывался в улыбке ("Что-что", "А-а-а", "Да, да, да", "Ну конечно", "Вот именно").

Однажды Арнольд Маркович Косевич рассказывал о дислокациях. В то время это была еще не разработанная область теории. В заключение Илья Михайлович подчеркнул, что очень важно развить теорию, наметил, какие задачи, по ЕГО мнению, следует решить, и обратился с предложением к Арнольду Марковичу взять на себя этот труд. Арнольд Маркович последовал ЕГО советам. В результате появилось новое направление в теории реальных кристаллов, вышли монографии Арнольда Марковича, до сих пор на кафедре читается соответствующий спецкурс.

Один раз Арнольд Маркович доложил работу Друкарева и Демкова о стабилизирующем влиянии магнитного поля на появление связанных состояний в слабом трехмерном поле притяжения. Результат был красивый и физически понятный. Проблема локализации долгое время интересовала теоретиков в разных своих аспектах. Через много лет довелось и мне более детально проанализировать разные случаи (даже без магнитного поля) в монографии.

В семинарах участвовали теоретики разных направлений. Это единство формировало то, что получило название Харьковской школы, начало которой было положено Ландау в довоенные годы. Два лидера – И.М.Лифшиц и А.И.Ахиезер – всегда демонстрировали дружеские взаимоотношения. У каждого из них сложилась своя школа, но соперничества мы не чувствовали. На семинар часто приглашались гости из других теорфизических центров СССР. Запомнились выступления В.Л.Гинзбурга.

Научная школа

Школа Ильи Михайловича формировалась постепенно из учеников разных поколений (выпускников кафедры, сотрудников теоротдела

УФТИ, аспирантов), выковывалась на городском семинаре. Со студенческих лет воспитывалась самостоятельность. Никого не тянули за руку. Предоставлялась полная свобода действий, вплоть до выбора направления исследований. С разными учениками отношения у НЕГО складывались по-разному. Частота контактов и степень самостоятельности были различными. С одними учениками у НЕГО были совместные публикации, даже книги, другие же обладали полным суверенитетом.

Руководитель школы никогда не издавал распоряжений, не давал указаний. Были советы, пожелания, обсуждения, где мнение каждого было наравне с мнением учителя. Главный воспитательный прием – личный пример, но не внешний, а общеповеденческий, духовный, этический.

Описывать, классифицировать, детализировать, как это происходило и в чем конкретно выражалось, кажется, невозможно. Общих штрихов, вероятно, достаточно для передачи сути.

Школа сохранилась и тогда, когда ОН уехал в Москву и там добавил к ней филиал в МГУ, и тогда, когда ЕГО не стало.

Заседания кафедры

Илья Михайлович руководил в УФТИ одним из теоротделов. Параллельно ОН заведовал кафедрой. Первые годы еще было разрешено полное совместительство, но затем, как свидетельствуют сохранившиеся индивидуальные планы, ОН стал полуштатным заведующим. Естественно, что основное внимание было сосредоточено на работе в УФТИ. Там же была ЕГО квартира. В Университет Илья Михайлович приходил, когда у НЕГО были лекции.

Фактически ОН был почетным заведующим, а все текущие дела кафедры вел Леонид Степанович Гулида – штатный доцент. В этих условиях, видимо, проводить частые формальные заседания кафедры не имело смысла. Позднее штатных преподавателей на кафедре стало больше, но заседания по-прежнему были большой редкостью. За 10 лет моего пребывания на кафедре до отъезда Ильи Михайловича в Москву вспоминается только одно заседание, когда подробно обсуждалась структура спецкурсов. Илья Михайлович писал на доске не формулы, а перечень читаемых курсов. Кажется, даже завязалась оживленная дискуссия.

Доверие

Мне, молодому ассистенту, поручили читать ответственный спецкурс по квантовой статистике студентам-теоретикам 5-го курса. Леонид Степанович Гулида предложил мне написать подробную программу курса и показать ее Илье Михайловичу. В те времена увидеть ЕГО можно было по пятницам в Доме ученых, где ОН руководил городским семинаром физиков-теоретиков. Илья Михайлович посмотрел на аккуратно напечатанную программу и сказал, что ОН полностью мне доверяет и что никто лучше меня не знает, что и в какой последовательности следует излагать в данном курсе.

ОН никогда не вникал в детали читаемых курсов, но перечень и последовательность спецкурсов обсуждались достаточно активно на одном из запомнившихся редких заседаний кафедры.

По моим представлениям, осенью 1960 года преподавателями в составе кафедры работали: И.М.Лифшиц, Л.С.Гулида, Л.Э.Паргаманик, М.И.Каганов, В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов.

Антикарьеризм

Илья Михайлович, по-видимому, очень спокойно относился к разного рода чинам, титулам, званиям, степеням и т. п. Его позицию в этом отношении можно было бы назвать антикарьеризмом. ОН никогда не стремился продвигать своих учеников по служебным и научно-организационным лестницам и не прилагал усилий для самопродвижения. Это соответствовало общим высоким этическим принципам его школы. Правда, в житейском плане такое пренебрежение отражалось на ЕГО учениках, задерживая их рост в сравнении с их сверстниками из других школ. Так, ОН стал академиком поздно, когда гораздо более молодые люди уже давно обзавелись высокими титулами.

Приоритетные направления

Научная деятельность Ильи Михайловича была связана с теорией твердого тела, или более широко – теорией конденсированного состояния. Его ученики также в основном разрабатывали вопросы этого направления. Однако в 50-60-е годы постепенно складывалось общественное мнение, что передний край физики находится в области элементарных частиц. Это было связано с крупнейшими успехами в технической реализации атомно-ядерных идей. В то же время новые открытия в области твердотельных приборов, развитие вычислительной

техники, физики полупроводников, электроники, сверхпроводимости и т. п. показывали, что не меньшее значение имеют разработки теории твердого тела. Все большее число физиков убеждались, что она является не менее перспективным направлением. Илья Михайлович одним из первых взял на себя роль пропагандиста. Одно время говорили, что ОН заперся дома, никуда не ходит и ни с кем не общается: Илья Михайлович пишет статью в "Правду". Вскоре она действительно появилась. Пожелтевшая вырезка под рубрикой "Наука раздвигает горизонты" – в газете "Правда" от 19 сентября 1965 года помещена большая статья "Загадки твердого тела" за подписью "И.Лифшиц. Член-корреспондент Академии наук СССР".

Храню ее и с большим удовольствием перечитываю. Многое там предсказано и очень убедительно изложено. Написано давно, но свежо звучит и сейчас. Вот заключительный фрагмент: "Физика твердого тела развивается в нашей стране весьма интенсивно. В ряде ее направлений советская физика находится в авангарде мировой науки и сохраняет бесспорное лидерство. Естественно, что главными и традиционными объектами физического исследования являются кристаллические тела, физические свойства которых оказались буквально сокровищницей научных идей, открытий и изобретений. Такие же тела, как полимеры, сложные органические структуры и, наконец, биологические объекты, исследуются по той же традиции и научной преемственности главным образом химиками и биологами. Хотя это и вполне естественно, но в настоящее время следует, безусловно, расширить фронт исследований в этой области в рамках физических учреждений.

Квантовая физика придала совершенно новое звучание старинной науке о свойствах твердых тел. Новые представления породили новые проблемы, принципиальное и практическое значение которых исключительно велико, и, пожалуй, никогда еще перспективы развития этой области физики не были столь многогранными и впечатляющими".

Выступал Илья Михайлович и с лекциями по линии общества "Знание". Позднее вместе со своим ближайшим верным учеником Моисеем Исааковичем Кагановым ОН написал популярную книжечку "Квазичастицы" (1976, 1989). Они же вместе с выдающимся теоретиком Марком Яковлевичем Азбелем издали прекрасную монографию "Электронная теория металлов" (1971). Свою последнюю замечательную книгу "Введение в теорию неупорядоченных систем" (1982) ОН написал

со своими талантливыми последователями нового поколения С.А.Гредескулом и Л.А.Пастуром.

Борьба Ильи Михайловича закончилась признанием важности твердотельных исследований, их приоритетности наряду с другими.

В ИФП

Через какое-то время после отъезда Ильи Михайловича в Москву Леонид Степанович Гулида настоял, чтобы я поехал к НЕМУ показать некоторые новые результаты своей работы. К тому времени в Москве мне доводилось бывать довольно часто: по праздникам мы с женой ездили в столичные театры, благо можно было тогда устроиться в гостинице. Бывали мы и в Доме обуви на Ленинском проспекте, рядом с ИФП, где находился кабинет Ильи Михайловича.

И вот в один из таких наездов, уже по командировке, я решился пробраться к НЕМУ. Предварительно позвонив, уточнил место и время посещения. Затаив дыхание, прошел на территорию ИФП. Справа от ворот – двухэтажное строение, в ближайшем подъезде которого на первом этаже квартирка из маленьких комнат. В одной из них с двумя большими окнами, одно из которых выходило к Дому обуви, а другое – к воротам и редакции ЖЭТФ, был легендарный кабинет. Сейчас там был ОН, а до НЕГО – Ландау, живший ранее тут же на втором этаже.

Конечно, я прибыл до назначенного времени и ожидал возле подъезда, осматривая окрестности. Прямо за воротами находилось главное большое здание, куда каждый раз, поднимаясь на второй этаж, заходил в канцелярию отметить командировку мимо знаменитого кабинета самого П.Л.Капицы.

Во дворе шла своя жизнь. На тележке везли что-то испаряющееся, вдали тихо урчал мотор. Веяло спокойствием и размеренностью бытия четко организованного мира физики. И все это рядом с шумным Ленинским проспектом. Казалось, что в такой обстановке могло особенно хорошо работаться и Ландау, и ЕМУ, и другим обитателям этого уголка науки. Вскоре пришел ОН. Прошло несколько лет. ОН занял место Ландау, но оставался таким же приветливым и простым в общении. Без излишних светских бесед о жизни в Харькове (конечно, ОН всегда знал все подробности нашего бытия от многих учеников, навещавших ЕГО) приступили к обсуждению материала.

В соседних комнатках кто-то ходил. Там о чем-то говорили. Иногда сотрудники заходили и в ЕГО кабинет. То Моисей Исаакович Каганов

заглянул и, увидев меня, приветливо поздоровался. Перекинувшись парой фраз с Ильей Михайловичем, он деликатно удалился. То зашел однажды выяснить какой-то оргвопрос Евгений Михайлович. Впервые мне довелось увидеть его совсем близко. То на два слова забежал Лев Петрович Питаевский по какому-то теорфизическому делу. Бывали и совсем незнакомые мне люди.

Каждый раз ОН извинялся предо мною за то, что нам мешают. Ну почему бы тогда же по свежим следам не записать бы мне, о чем говорили эти люди?! Это теперь горько, что утрачена возможность рассказать о них что-то более конкретное, а тогда все казалось будничным и естественным.

Получив ЕГО благословение, я взялся с новым подъемом за публикации и подготовку диссертации. Через некоторое время примерно в той же обстановке от НЕГО был получен отзыв. Этот ценный документ, написанный тут же при мне, к сожалению, в Университете потребовали сдать в качестве оригинала наряду с отпечатанным текстом.

Весной 1980 года я вручил ЕМУ авторский экземпляр моей первой книги. Мы обсуждали план будущей монографии...

Еще о НЕМ

Известно, что самые близкие люди называли ЕГО детским прозвищем "Лёля". Среди многих ЕГО учеников было распространено заочное обращение "Ильмех". Мне всегда эта фамильярность не нравилась. Словосочетания "Илья Михайлович" и "Илья Михалч" мне кажутся вполне благозвучными, хотя в прозвищах есть свой шарм и часто многоплановый смысл.

Для тех, кто узнал ЕГО в 50-е годы, ОН за последующие 30 лет внешне почти не изменился. Впрочем, это может быть чисто субьективным впечатлением, поскольку хоть раз в два-три года да удавалось видеть ЕГО даже после ЕГО отъезда в Москву.

В те годы было традицией выступление в Новой физической аудитории крупнейших теоретиков. Так, здесь состоялась лекция Ландау незадолго до трагической аварии. Однажды, после ЕГО переезда в Москву, здесь слушали мы и Илью Михайловича, рассказывавшего о квантовых кристаллах. После смерти Ильи Михайловича традицию поддержал ЕГО первый ученик и верный соратник Моисей Исаакович Каганов, неоднократно выступавший в той же аудитории во время своих приездов в Харьков. Так новые поколения физиков знакомились с ЕГО школой из первых рук.

Как-то после просмотра ряда кинокартин с участием известного французского артиста мне показалось, что ОН напоминал Луи де Фюнеса: живостью, ртутной реакцией, быстрой улыбкой, ростом. После такого открытия этот актер стал вызывать у меня больший интерес.

ОН не курил. ЕГО невозможно было представить себе пьяным. За одним столом с НИМ сидеть не довелось, так что не знаю, каким ОН был в застолье. Никогда не слышал из ЕГО уст грубых слов. Кажется, самыми сильными бранными выражениями у НЕГО были "чушь" и "мура". Как-то ни разу не пришлось наблюдать, как ОН общается с дамами, хотя у НЕГО были дипломницы и аспирантки. В этом отношении Моисей Исаакович Каганов был демонстративно галантным кавалером: его мы часто видели в обществе молодых особ. Говорили, что ОН играет на фортепьяно. С большим интересом и непосредственной реакцией ОН слушал шутки других, но не стремился к оживлению своих лекций чужим юмором.

Одежде же ОН придавал большое значение. Сам старался не отставать от моды и замечал детали одежды у других. Всегда был гладко выбрит, опрятен. Хорошая одежда, видимо, доставляла ЕМУ радость, хотя все было скромным, неброским.

В ЕГО кабинете в ИФП, кажется, на книжном шкафу был листок со стихами Давида Самойлова в ЕГО честь.

Прощание

Осенью 1982 года пришло печальное известие из Москвы – не стало Ильи Михайловича. На похороны отправились многие харьковские теоретики. Мы жили в гостинице на Ленинском проспекте со Станиславом Сергеевичем Недорезовым. На церемонии прощания было очень много народа, но нам нашлось все же место в одном из автобусов, отправлявшихся на кладбище. Запомнилось выступление И.М.Халатникова.

Незадолго до этого вышла моя вторая книга. Говорили, что ОН тяжело болел, долго пребывал в больнице, но меня не оставляла надежда подарить ему книгу (весной 1980 года свою первую книгу я вручил ЕМУ, ОН был растроган, говорил какие-то комплименты). Я опоздал на сей раз.

В мемориальной статье его соратники писали: "Академик Илья Михайлович Лифшиц – выдающийся ученый, один из крупнейших физиков-теоретиков мира, возглавлявший исследования по теории твердого тела в Советском Союзе". Там же, а также в некрологе газеты

"Известия" от 27 октября 1982 года, сказано: "Многие годы жизни И.М.Лифшица связаны с Харьковом, где он руководил теоретическим отделом Физико-технического института и кафедрой статистической физики и термодинамики университета".

ЕГО давно уже нет, но память хранит ЕГО облик, ЕГО речь, ЕГО поступки. Есть много фотографий. На них ОН разный. Для тех, кто знал ЕГО, достаточно освежить в памяти ЕГО образ, посмотрев на одну из них. Сохранилась и магнитофонная запись ЕГО выступления с популярной лекцией о физике твердого тела. В 1987 и 1992 годах нам удалось организовать семинары ЕГО памяти в январе (ОН родился 13 января 1917 года), а в 1997 году к 80-летию Ильи Михайловича была проведена Международная конференция по физике твердого тела. Они начинались с прослушивания этой записи, и ОН приходил к нам снова. ОН остался с нами навсегда.

P.S.

Во втором издании эту часть воспоминаний я решил оставить практически без изменений. Добавил только некоторые фрагменты из написанного позднее.

Вот отрывки из моей книжки «Полвека в Университете», изданной в 2004 году.

> Следующим этапом было взаимодействие с Ильей Михайловичем Лифшицем. Именно с ним у меня возник несколько раз чисто профессиональный контакт еще во время студенчества, после чего он предложил мне аспирантуру и личное руководство. Это было очень ответственно и серьезно. Почти все беседы с Ильей Михайловичем были чисто научными. Очень хочется сейчас хотя бы перечислить все такие контакты.
>
> Первый – сдача экзамена по спецкурсу без подготовки (1955). Второй – доклад на семинарском занятии о методе вторичного квантования в случае фермионов (1956). Третий – доклад о работе Ильи Михайловича и Арнольда Марковича Косевича об эффекте де Гааза – ван Альфена (1957). Четвертый – сдача вступительного экзамена в аспирантуру (часть теорминимума по механике и теории поля) (1957). Пятый – сдача теорминимума по статфизике (1957). Шестой – сдача теорминимума по квантовой механике (1958). Седьмой – сдача теорминимума по квантовой электродинамике

(1959). Восьмой – обсуждение темы кандидатской диссертации (1959). Девятый – обсуждение написанного мной отзыва на одну диссертацию в теоротделе Ильи Михайловича в УФТИ (1959). Десятый – обсуждение полученных результатов по моей диссертации (1960). Одиннадцатый – обсуждение ситуации в конце срока аспирантуры (1960). Двенадцатый – краткая беседа по поводу программы порученного мне спецкурса (1960). Тринадцатый (в Москве) – обсуждение полученных результатов и плана кандидатской диссертации (1972). Четырнадцатый (в Москве) – предъявление готовой кандидатской диссертации и получение отзыва научного руководителя (1974). Пятнадцатый (в Москве) – обсуждение полученных результатов и плана работы в докторантуре (1979). Шестнадцатый (в Москве) – вручение Илье Михайловичу моей первой книги и обсуждение полученных результатов и докторской диссертации (1980).

Каждая такая встреча была насыщена конкретными обсуждениями, хотя и достаточно короткой. Возможно, я не все контакты сейчас вспомнил. Разумеется были и другие встречи с участием третьих лиц или на семинарах, а также на лекциях и пр., однако почти все перечисленные отличались тем, что происходили с глазу на глаз, без посторонних (хотя сдача теорминимума потом оформлялась протоколом с якобы присутствующими членами комиссии).

Сохранились некоторые документы того времени. В частности, в своем личном деле из архива Университета я обнаружил две бумаги, написанные рукою моего шефа. Я о них не знал. Было интересно прочитать рекомендацию и отзыв о моей работе. Мне разрешили скопировать эти документы.

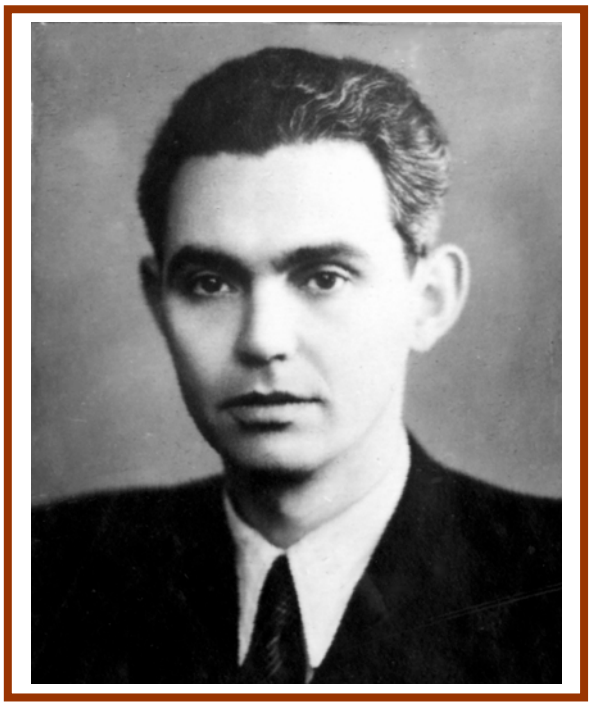
И.М.Лифшицу посвящена моя книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть упомянутые дополнительные материалы, включая компакт-диск с фильмами:

Ульянов В.В. Илья Михайлович Лифшиц. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып.1. Изд.2-е, доп. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2007. - 40 с.

Моисей Исаакович Каганов

Воспоминание самая сильная способность души нашей.
А.С.Пушкин

Вот предо мною старенькая тетрадь в клетку. Это конспект спецкурса "Квантовая теория металлов", который нам читал Моисей Исаакович Каганов. Почти все свои конспекты я сохранил. Правда, они

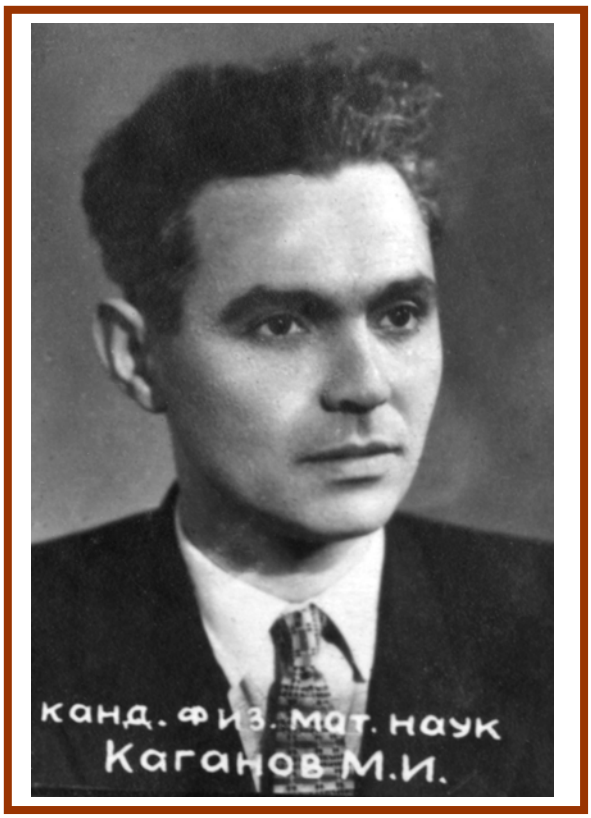


лежат на самой верхней полке закрытого шкафа, но сейчас я пересмотрел их и выбрал несколько в связи с воспоминаниями. Среди них и эта тетрадка. Из преподавателей-теоретиков Моисей Исаакович был ближе всех к студентам. Он сразу же завоевал наше доверие и симпатии, сохранившиеся навсегда, своей открытой манерой держаться. Он называл каждого по имени, всегда был жизнерадостен, вносил живость во все вокруг. Широкая улыбка, высокий рост, безграничное обаяние, демократичность, свободная манера общения со студентами, раскованность, открытость, остроумие, – в те времена это было совершенно необычным поведением. Чаще всего наши преподаватели были отделены от нас слабопроницаемым барьером, сохранялась дистанция, да и сами мы были закомплексованы, зажаты. Словом, его полюбили сразу, им восхищались. Экзамен по спецкурсу был трудным, теория тесно переплеталась с описаниями экспериментов, но Моисей Исаакович принимал, хоть и строго, однако как-то легко и непринужденно. Образный язык, широта взглядов, литературный талант впоследствии выразились в полной мере в его многочисленных книгах, статьях, воспоминаниях. Никто не мог написать лучше Моисея Исааковича о своем учителе академике Илье Михайловиче Лифшице. В свою очередь, когда Илья Михайлович произносил слово "Мусик" (так нежно называли своего любимца друзья Моисея Исааковича), то столько любви вкладывалось в это созвучие, в котором не только ударение, но и некоторая увеличенная длительность падали на первый слог, а второй слог сопровождался легким шипением на коварной букве "с".

Запомнилось одно из первых занятий, которые вел у нас Моисей Исаакович. Разбиралась теория плазмы, вводилось понятие дебаевского радиуса. Моисей Исаакович научил нас, как рисовать греческую букву "каппа". Дело было на втором этаже старого маткорпуса. В перерыве Моисей Исаакович подошел ко мне и предложил сотрудничество. Тогда я еще не созрел для серьезной научной работы. У меня как раз был период интенсивных занятий волейболом: тренировки и изматывающие игры на первенство города отнимали много сил, а увлечение музыкой и женским полом довершало круг занятий. Представив, что на меня ляжет еще и груз научной работы, я решил, что дополнительной деятельности не потяну. Пришлось уклониться от столь лестного предложения. Видимо, это было одной из больших моих ошибок. Лучшего научного руководителя, чем Моисей Исаакович, вероятно, нельзя было себе представить.

Моисей Исаакович первым из преподавателей рассказал нам кое-что об Илье Михайловиче, о том, как нужно ценить студенческое время, чтобы успеть овладеть профессиональными навыками, о том, как он сам ночами сидел над расчетами, добиваясь нужных результатов упорным трудом.

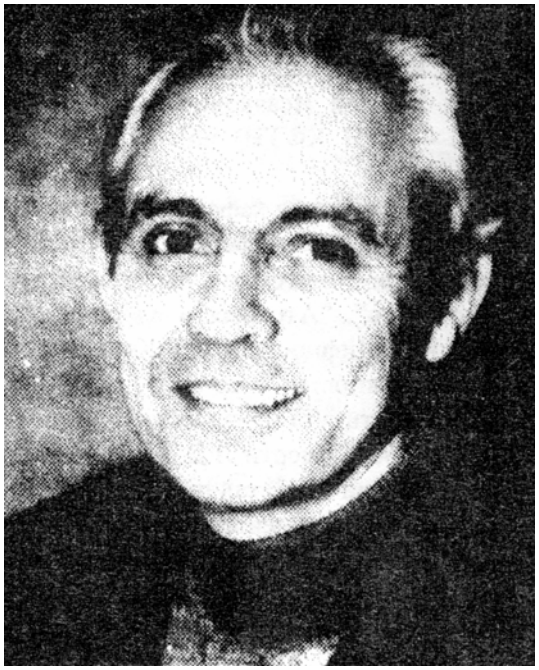
Запомнился еще такой случай. На старших курсах я стал довольно много внимания уделять одежде. Рубашки заказывались в мастерской по моим выкройкам воротника под галстук (одну из выкроек храню). В те времена стали носить достаточно узкие яркие галстуки, которых, конечно же, не было в продаже. Пришлось освоить технологию их пошива (даже с подкладкой) на швейной машине. В магазинах был большой выбор пестрых тканей, и я закупал узкие полоски (к недоумению продавщиц). Моисей Исаакович заметил, видимо, что чуть ли не на каждом занятии у меня был новый галстук (мешочек с некоторыми из них и сейчас сохранился). И вот однажды, когда дело дошло до яркого желтого галстука, Моисей Исаакович не выдержал. Прямо на занятии он подошел ко мне и шепнул: "Володя, откуда у Вас



такие галстуки !?" Пришлось открыть "секрет". Он был очень удивлен, а я не догадался предложить ему свои услуги.

В наши студенческие времена его фамилия произносилась с ударением на втором слоге. Позднее мы узнали, что нужно на третьем.

Кажется, незадолго до своего отъезда вместе с Ильей Михайловичем в Москву Моисей Исаакович как-то зашел в деканат физфака в новом сером пиджаке и горячо заговорил о том, что курс по атомной и ядерной физике, который ему предстояло прочитать, он назовет "От атома до кварка". Как жаль, что это предназначалось другим поколениям физиков, а не нашему! Успел ли он реализовать свое намерение в Харькове? Может быть, его книга, написанная вместе с Александром Михайловичем Ермолаевым, и была воплощением этого замысла?



М.И.Каганов

Часто, проходя на место сбора во время праздничных демонстраций, мне приходилось встречать высокую фигуру среди сотрудников УФТИ. То Моисей Исаакович, окруженный восторженными почитателями, что-то занимательно рассказывал. Все такой же энергичный и молодой, каким запомнили мы его в дни нашей студенческой юности. То же происходит и ныне, когда он бывает в Харькове.

В 1979 году вышла книга Моисея Исааковича "Электроны, фононы, магноны", на которой автор написал мне: "Дорогому Володе дружески. Автор Мусик. Харьков, 9.80". Да, вот такой он: каким был, таким остался. А вот и фрагмент последней страницы этой книги под названием "Заключительные фразы":

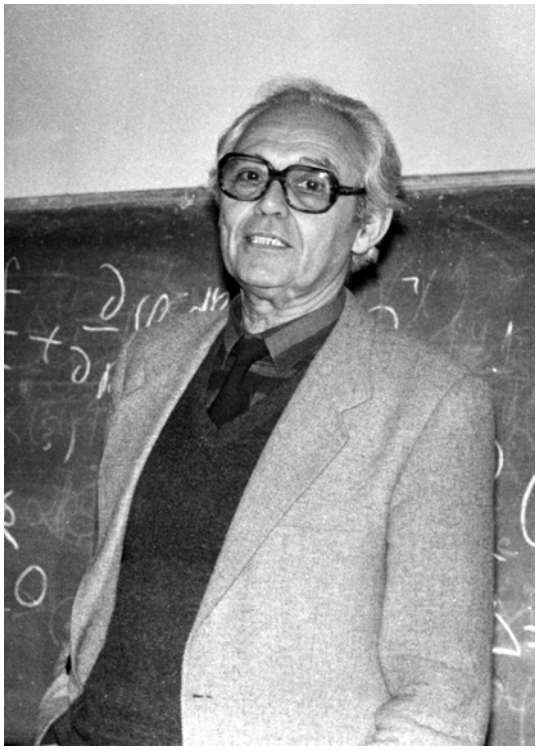
"...Теоретическая физика – строгая наука, требующая тонких физических соображений и кропотливых, иногда очень трудных математических расчетов. Получить новые результаты можно, только овладев всем арсеналом средств, методов и представлений современной физической теории. И, как в любой сфере человеческой деятельности, оказывается, что источником результатов служит труд, к счастью

приносящий радость не только своими результатами, но и непосредственно в процессе решения еще не решенных задач".

Добавлю еще несколько запомнившихся эпизодов.

Было это, кажется, в конце 50-х. Однажды, возвратясь домой, я застал в нашей квартире двух тихо сидевших на диване людей. Это были Леонид Степанович Гулида и Александр Иванович Беседовский (в ту пору заместитель декана физфака). Они сообщили, что назавтра ожидается прилет очень важной особы из Англии – какого-то профессора-физика. Принимать его, мол, поручено нашей кафедре. Так получилось, что в тот момент никого на кафедре не оказалось, кто бы мог помочь в общении с иностранцем, и они вспомнили, что молодой аспирант, кажется, хорошо сдал кандидатский минимум по английскому языку.

Действительно, в то время я достаточно свободно читал физическую литературу на английском и даже пытался разбирать неадаптированные художественные тексты. Однако разговорной практики никогда не имел. В те времена преподавание языка строилось с исключением возможности общения с иностранцами.



М.И.Каганов на семинаре памяти И.М.Лифшица 13 января 1987 года

Можно понять мое смятение, когда меня бросились умолять спасти положение столь уважаемые люди. Они просто готовы были пасть предо мною на колени (так образно врезался в память этот эпизод, вызывающий у меня улыбку и поныне). Пришлось дать согласие. Назавтра в условленном месте меня уже ожидала машина с нашими героями. Накануне я, конечно, лихорадочно перебирал свои учебники в поисках возможных нужных английских фраз. Как потом оказалось, Леониду Степановичу все же удалось связаться с семьей Моисея Исааковича Каганова, которого не было перед тем в Харькове, но который должен был вот-вот приехать. На мое счастье, все так и вышло.

Мы заехали за Моисеем Исааковичем, и он уже был дома, согласившись отправиться на аэродром. Мне тоже вежливо предложили участвовать во встрече важной персоны, но я с радостью покинул делегацию. Я был очень благодарен Моисею Исааковичу, что он спас меня от возможного позора. Так мне тогда казалось, хотя, быть может, это и был подходящий случай получить языковую практику. Впрочем, вряд ли в те времена иностранца пустили бы путешествовать по нашей стране без переводчика.

Кстати, того профессора благополучно доставили в университет. Как уже бывало неоднократно раньше и много раз позже, подобных гостей водили по разным кафедрам, приглашали в кабинеты крупных университетских чиновников, чем-то угощали, но никогда не приводили к нам, если даже они были нашими гостями. Тут наша милая администрация проявляла удивительную деликатность, помня, в каких условиях живет наша кафедра. Им становилось стыдно показывать, что известный на весь мир академик Илья Михайлович Лифшиц со своими учениками ютится в каморке, в которую даже неприлично заглянуть.

Другой эпизод связан с празднованием 50-летия нашей кафедры.

В июне 1993 года я неожиданно встретил Моисея Исааковича Каганова в Харькове и, рассказав о наших планах отметить эту дату, пригласил его принять участие в юбилейных торжествах. Он живо откликнулся, пообещав приехать в Харьков в мае следующего года и подготовить мемориальные материалы для издания.

Утром 24 мая 1994 года Моисей Исаакович был уже в Харькове, а в 12 часов началась мемориальная конференция в университете.

Первым выступает Моисей Исаакович, который рассказывает о жизни и творчестве основателя нашей кафедры Ильи Михайловича Лифшица. Он показывает сигнальный экземпляр второго тома избранных трудов Ильи Михайловича, в котором имеется большая мемориальная статья Моисея Исааковича. По материалам этой статьи и ведется рассказ нашего гостя. Его мы не ограничиваем во времени, но Моисей Исаакович опытный оратор, хорошо владеющий аудиторией и обладающий острым чувством меры. Его всегда интересно слушать, а сейчас особую остроту восприятию его слов придает то, что он скоро уезжает в Штаты насовсем. Он говорит о первых послевоенных годах, о своей учебе на физмате и работе на кафедре. Это особенно ценно: то время для нас является белым пятном в истории кафедры... Мы с Александром Михайловичем Ермолаевым провожали Моисея Исааковича на вокзале. Он был очень

растроган. Как всегда, тепло и по-дружески распрощался с нами. Я успел передать ему фрагмент только что написанных воспоминаний, не рассчитывая увидеть их когда-либо напечатанными...

М.И.Каганову посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент

М.И.Каганов на конференции в мае 1994 года

воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Моисей Исаакович Каганов. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 2. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2001. – 36 с.

Рекомендую также воспоминания Моисея Исааковича:

Каганов М.И. Эпизоды из жизни физика-теоретика. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. – 78 с.

Лев Элеазарович Паргаманик

Ничто не способно так, как хорошая лекция,
формировать сознание подрастающего поколения.
С.Э.Фриш

Лектор

Пожалуй, самым первым теоретиком, которого мне показали, был Лев Элеазарович Паргаманик. Дело было на каком-то собрании, где обсуждался проект нового здания университета. Среди участников выделялся мужчина с колоритной внешностью: большие усы, пышные волосы, крупный нос, высокий рост, гордая осанка, неизменные портфель, членство в партбюро и диета.

В разные годы он напоминал то Сталина, то Эйнштейна, то Ираклия Андроникова, то кинорежиссера Григория Александрова.

Л.Э.Паргаманик

Лев Элеазарович читал нам три спецкурса: асимптотические методы, общую теорию относительности и теорию групп. Он очень тщательно готовился к лекциям, у него никогда не бывало сбоев. Проговаривал он формулировки всегда четко и ясно. В те годы он читал квантовую механику на появившемся радиофаке.

Лев Элеазарович регулярно менял костюмы и галстуки. В те времена преподаватель мог себе позволить иметь несколько рабочих костюмов!

Дипломная работа

Лев Элеазарович стал руководителем моей дипломной работы. После предварительной беседы он передал мне начальные данные задачи, аккуратно выписанные на двух страницах, и общую схему дальнейшего продвижения. Хотя принципиальных затруднений не было, копались мы достаточно долго, подбирались нужные асимптотики в редких изданиях. Задача была из области ядерной физики и посвящалась рассеянию нейтронов в так называемой оптической модели ядра.

Обычно Лев Элеазарович приглашал меня к себе домой. Там, за легендарным столом, у окна, выходившего на улицу Чайковского, с

оригинальным чернильным прибором и символической фигуркой Дон Кихота шли наши беседы, прорабатывались варианты решения дипломной проблемы. Часто разговор уходил далеко в сторону от физики.

Лев Элеазарович любил классическую музыку, у него было много пластинок с записями известных исполнителей. Там мне впервые довелось держать в руках книгу о Маяковском с обилием фотографий его и Лили Брик, писем и документов. Там же я познакомился, разумеется, заочно, с Ираклием Андрониковым по одной из его первых книг о Лермонтове (по иронии судьбы, лет через десять мне выпало стоять с ним плечом к плечу в одном общественном месте в перерыве между сеансами в кинотеатре "Мир" во время одного из Московских кинофестивалей).

Наступила предзащитная весна. Работа вчерне была готова, как вдруг поступило указание представить ее на конкурс студенческих научных работ. Пришлось направить полуфабрикат, получивший какую-то награду, кажется, в виде 100 рублей (дореформенных).

И вот – защита. Дело было еще в старой физической аудитории. Лев Элеазарович напутствовал меня и, кажется, волновался не меньше меня. Один или два плаката мне помог нарисовать отец. Ярко освещенная доска, а в полутьме аудитории – комиссия и дипломники. Казалось бы, такое событие должно запомниться в малейших деталях. Но нет. С тех пор столько раз приходилось выступать перед публикой в разных условиях, что все стерлось в памяти, перекрылось. Лишь помню, что один из вопросов задавал Илья Михайлович Лифшиц. Для меня это был очень ответственный момент. Вопрос был, конечно, благожелательный, выигрышный для дипломника, но ведь он исходил от НЕГО. Вряд ли мой ответ устроил бы меня сейчас, но тогда настрой был боевой, апломба и нахальства хватило. Илья Михайлович сказал, что ответом удовлетворен. Больше ничего не помню.

Прощального вечера у нас не было, но был фирменный выпускной альбом (такой же у моей будущей жены – выпускницы биофака). На первой странице большая фотография, по которой можно судить, каким я был в ту весну 1957 года.

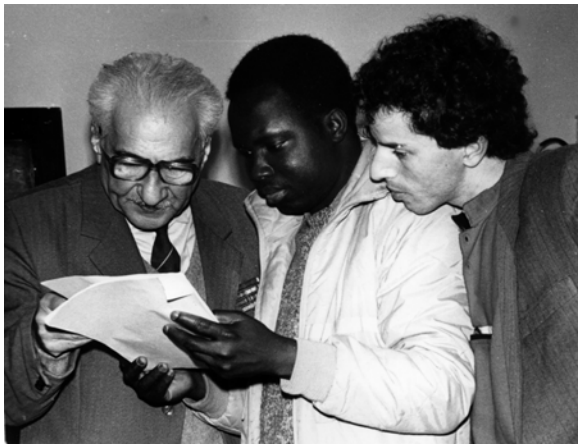
Кроме защиты дипломной работы, сдавался госэкзамен по физике. Комиссию возглавлял Кирилл Дмитриевич Синельников. Потом были мои именины, а затем предстоял месяц в военных лагерях, на батарее, стоявшей на боевом дежурстве в районе ХТЗ, с походами в баню через весь поселок, с солдатской жизнью в палатках, с работой на зенитных орудиях. С

нетерпеливым ожиданием поездки на юг, в Ялту. Потом был фестиваль молодежи в Москве, а мне предстояли экзамены в аспирантуру.

Первая публикация

После успешной дипломной защиты Лев Элеазарович решил, что работу после некоторой доделки можно опубликовать. Однако прошло еще полгода до написания статьи в ЖЭТФ. Наконец, в январе или феврале 1958 года мы пошли показывать рукопись Александру Ильичу Ахиезеру. Там мы застали С.В.Пелетминского и В.Г.Барьяхтара, помогавших своему учителю в подготовке к изданию книги "Введение в квантовую электродинамику".

Впервые предстояло увидеть нашего студенческого кумира в домашней обстановке. И вот он вошел в комнату, тепло поздоровался и усадил нас на диван, все такой же энергичный и экспрессивный. Внимательно выслушав Льва Элеазаровича, который считал себя учеником Александра Ильича, и просмотрев рукопись, он сказал что-то ободряюще-напутствующее. Поблагодарив его, мы удалились, добавив в конце статьи слова признательности: "Авторы выражают благодарность А.И.Ахиезеру за обсуждение результатов настоящей работы".

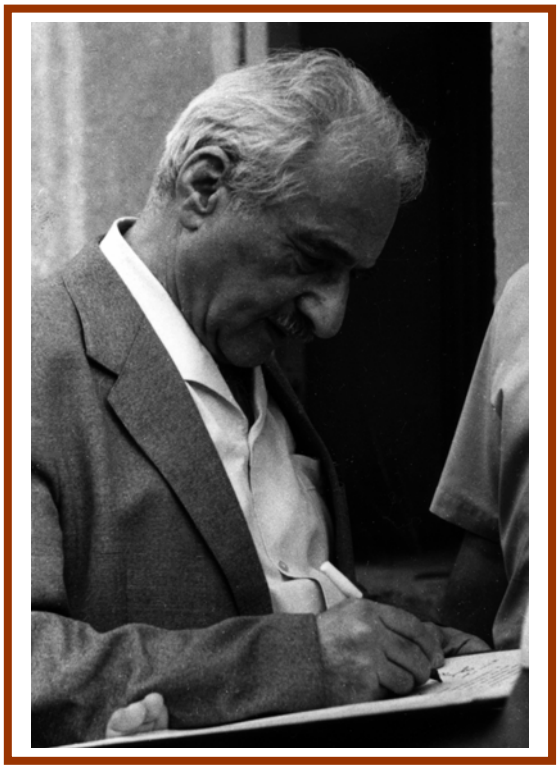


Л.Э.Паргаманик с иностранными студентами

Летом, когда я был на юге, Льву Элеазаровичу пришла корректура. К сожалению, некоторые опечатки остались не исправленными, так как копия статьи находилась у меня. Когда нам прислали аккуратные оттиски, я совсем не радовался. Во-перых, это была не столько моя работа, сколько моего дипломного руководителя. Во-вторых, было неприятно за вкравшиеся опечатки, хотя и не по нашей вине. В следующем году был получен перевод статьи на английский язык. Храню оттиски как память о первых шагах своей научной работы, как память о Льве Элеазаровиче. Гораздо более сильные чувства вызвала моя первая собственная публикация, поскольку там все было авторское – от замысла до печатания на взятой напрокат машинке и вписывания формул.

Помещение кафедры

В старом здании университета наша кафедра не имела никакого помещения. У Ильи Михайловича основным местом работы был УФТИ. В университет он приходил в основном для чтения лекций. Большинство



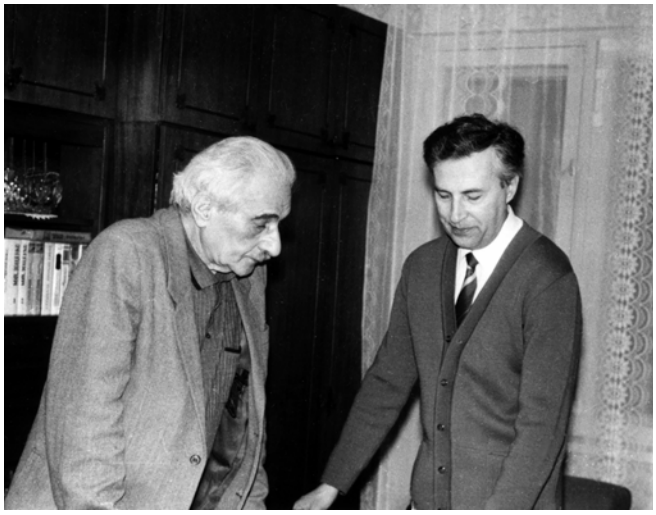
других членов кафедры также в те времена были совместителями. Особой необходимости в специальном помещении, видимо, никто не усматривал.

Когда университет перебирался в новое здание, на кафедре уже работали несколько штатных преподавателей. Объем деятельности кафедры вырос. Без своего помещения стало трудно работать.

Илья Михайлович, имея достаточно забот в УФТИ, видимо, особенно не вникал в столь мелкие дела. Лев Элеазарович был в те времена довольно влиятельной личностью, будучи членом партбюро. На его долю и выпало просить администрацию выделить помещение для кафедры.

К сожалению, никто в то время не подумал, что кафедре теоретиков необходимо иметь достойное помещение. В результате кафедра получила крохотную комнатку площадью 19 кв. метров, в которой она вынуждена была ютиться, хотя уже давно и на всех уровнях ставился и якобы решался вопрос о расширении. Разные комиссии во время проверок физического факультета отмечали вопиющую ситуацию с помещением кафедры. В ответ администрация издавала грозные приказы об устранении этого безобразия, но затем об этом забывала до новой комиссии.

Шли годы, а положение не менялось. Между тем, объем работы и число членов кафедры возрастали. Так, когда в последний раз сменялся дверной замок кафедры, пришлось заказывать более 50 ключей для штатных преподавателей, совместителей, почасовиков, аспирантов, докторантов, соискателей, стажеров, руководителей дипломников и др. Добавлю, что на специализации "теоретическая физика" обучаются до 50 студентов, не говоря уже о том, что по линии общих курсов теоретической физики через кафедру проходили и проходят сотни студентов



Л.Э.Паргаманик и В.В.Ульянов

физического, радиофизического и других факультетов. Бывая в других университетах, мы не раз убеждались, что такого убогого помещения нет у теоретиков нигде. Так деликатность Ильи Михайловича обернулась бедствием для кафедры, чего он, конечно же, не мог предвидеть.

Дополнение

С трудным отчеством Льва Элеазаровича постоянно происходили метаморфозы. Обычно ограничивались "Елизаровичем", иногда "Элизаровичем". В течение нескольких лет, когда Лев Элеазарович заведовал нашей кафедрой, поступали машинные распечатки с разного рода канцелярскими сообщениями, в которых его фамилия упорно писалась с удвоением буквы "н", но Лев Элеазарович только улыбался в ответ: чего, мол, ждать от машины.

На подаренном мне автореферате своей докторской диссертации Лев Элеазарович написал: "Дорогому Владимиру Владимировичу Ульянову с благодарностью за поддержку и пожеланием успеха от автора, 9.10.85".

Апрель 1994 года

P.S.

Осенью 94-го, незадолго до своего 80-летия (он родился 15 ноября 1914 года), Лев Элеазарович собирался навсегда уехать в Израиль к своим родственникам. Он дарил нам книги из своей огромной библиотеки. Мне достались также 75 пластинок любимых Львом Элеазаровичем классических произведений. Вскоре началась наша переписка. Все послания моего учителя бережно храню.

Л.Э.Паргаманику посвящена моя книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ульянов В.В. Лев Элеазарович Паргаманик. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 3. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002.- 20 с.

Леонид Степанович Гулида

Самое верное средство освоить
предмет – это его преподавать.
А.Абрагам

При Илье Михайловиче Лифшице Леонид Степанович Гулида был секретарем кафедры, вел делопроизводство, будучи одновременно и Ученым секретарем Совета физмата. В те времена не было еще специализированных советов, а был единый законодательный и общенаучный орган с большими правами. Фактически именно Леонид Степанович исполнял роль рабочего заведующего кафедрой, а Илья Михайлович был как бы почетным заведующим, оставаясь, конечно же, главой научной школы.

Обычно Леонид Степанович сидел в комнате кафедры за столом у окна. Стол был покрыт зеленым сукном. Ухмыляясь, он закрывал лицо руками. Донимали его начавшие разрастаться бюрократические бумажки. Иногда Леонид Степанович рассерженно комкал очередной циркуляр и швырял его в мусорную корзину. За спиной академика Ильи Михайловича можно было позволить себе такую вольность.

Правда, после отъезда нашего шефа в Москву бюрократия с лихвой отыгралась, многие годы, третируя Леонида Степановича и всю кафедру, обвиняя в бумажно-общественной пассивности.

Леонид Степанович смеялся как-то беззвучно, со слезами на глазах. Плечи его сотрясались. Иногда он делился с нами своими переживаниями, но чаще держал все внутри себя.

Когда я был студентом, в нашей группе Леонид Степанович вел практические занятия по электродинамике, чаще всего сам решая примеры у доски. Зачет мы получали после предъявления решений 100 задач из специального списка.

Запомнилось характерное произношение Леонидом Степановичем некоторых слов. Так, он нас умилял, говоря "приизводная",

"вирьятность". Часто он заканчивал какую-нибудь формулировку, разводя руки в стороны и поворачивая лицо к окну. С выражением удивления, он застывал на некоторое время, словно высматривая что-то вдали. Этой паузой он давал возможность студентам записать результат. Говорил он не спеша. Часто лицо его озаряла таинственная усмешка.

Как-то Леонид Степанович разоткровенничался на занятии и рассказал нам историю о том, как ему долгое время не давался физический смысл волновой функции в квантовой механике и как он преодолел эту трудность.

Через несколько лет Леонид Степанович стал ведущим лектором на факультете, одно время читая сразу два курса (теоретическую механику и электродинамику). Те, кто его слушал, говорят, что он был прекрасным лектором: студенты все понимали и успевали записывать. На нашем же курсе шла отработка будущего лекторского мастерства Леонида Степановича. Это была тренировочная пора.

Нет нужды в составлении словесного портрета Леонида Степановича: есть его фотография примерно середины 50-х годов.

После отъезда Ильи Михайловича в Москву, Леонид Степанович стал полновластным заведующим кафедрой. При нем на кафедре появилось новое поколение (О.И.Любимов, О.В.Усатенко, Л.В.Чеботарев). Однако исчезло "академическое прикрытие", и засилье отыгравшейся бюрократии не заставило себя ждать, постепенно отравляя существование Леонида Степановича. Он все чаще появлялся хмурый. Леонид Степанович имел ученую степень кандидата физико-математических наук, а в то время якобы существовало правило (негласное?), что заведовать кафедрой кандидат может только один срок. В 1973 году заканчивалось пятилетие Леонида Степановича. Он говорил, что до пенсии ему осталось всего лишь два года (наверное, он имел бы бóльшую пенсию в ранге заведующего)... Судя по всему, административная бюрократия не только не поблагодарила Леонида Степановича за верное служение, а кровно обидела чувствительную душу Леонида Степановича. Несправедливости он не выдержал: 15 августа 1973 года его не стало.

Остались написанные его рукой кафедральные документы. Нет давно его стола, но стоит на кафедре старенький шкаф времен Леонида Степановича.

Запомнился он мне как добрый человек. Во многом он помог мне преодолеть кризис 60-х годов и поверить в свои силы. По его совету и

настоянию были написаны моя кандидатская диссертация и первая моя книга.

Однажды я побывал у него дома, чтобы срочно подписать, кажется, какой-то документ. Жил Леонид Степанович возле прежнего здания оперного театра на Рымарской улице. На верхнем этаже...

Теперь осознаешь, как мало мы знали о своих старших товарищах, об их семьях, об их быте, пристрастиях. Общение между членами кафедры ограничивалось чисто производственными вопросами.

Был случай, когда мы с Татьяной Сергеевной Чебановой, находясь на кафедре у окна, пытались представить себе, как кафедра собирается не для редкого заседания, а для застолья.

Нет, это казалось совершенно нереальным. Но вот прошло лет 15, и в начале 80-х годов уже с другими поколениями мы смогли устроить кафедральное чаепитие, а через несколько лет было и застолье в домашней обстановке. И вновь мечталось о тех днях, когда общаться будут не только преподаватели, но и студенты разных поколений. Этот рубеж в некоторой степени был достигнут на первом неформальном Дне кафедры 2 апреля 1988 года. Но и это еще не предел, пока семьи остаются в стороне от таких собраний. Локально существуют отдельные семейные контакты, но достичь обобщений здесь не удается в силу нашей нищеты, хотя дети многих членов кафедры учатся на кафедре.

В студенческие годы фамилия Гулида произносилась нами с ударением на последнем слоге. Позднее выяснилось, что правильно на предпоследнем.

В первые годы моей работы на кафедре часто занятия проходили в бывшем биологическом корпусе на улице Тринклера. Нагрузка тогда у меня была солидная – по 3-4 пары в день, так что иногда случалось на

кафедру приходить лишь раз в семестр. Леонид Степанович общался в таких случаях с преподавателями открытками. В исключительно вежливых выражениях, с извинениями, он просил зайти на кафедру или написать отчет либо план по науке, или приглашал на заседание кафедры, которое обычно проходило не чаще, чем раз в год.

Леонид Степанович родился 25 апреля 1915 года. В 1939 году он окончил ЛГУ и поступил в 1940 году в аспирантуру к А.И.Лейпунскому. Хотя Леонид Степанович был белобилетчиком, но в 1943 году попал на фронт. Он брал Берлин.

Зимой 1946 года он вернулся в аспирантуру к Илье Михайловичу Лифшицу. Весной 1948 года закончился срок аспирантуры, а осенью Кирилл Дмитриевич Синельников взял Леонида Степановича на свою кафедру. Весной 1949 года Леонид Степанович перешел на кафедру Ильи Михайловича.

Все эти данные сообщила работавшая в ХГУ с сентября 1943 года Клавдия Васильевна Феодосьева – вдова Леонида Степановича. Было это 20 апреля 1981 года.

О научной работе Леонида Степановича мы знали очень мало: было известно, что в томе статистической физики Ландау и Лифшица есть ссылка на две работы Ильи Михайловича и Леонида Степановича в Докладах Академии Наук (о влиянии упругих деформаций на образование зародышей внутри кристалла при плавлении). К большому сожалению, в новом издании 1976 года эта ссылка изъята, хотя материал соответствующего параграфа сохранился целиком. Вот эта ссылка: И.М.Лифшиц, Л.С.Гулида, ДАН СССР, т.87, 377, 523 (1952).

Говорили, что Леонид Степанович, при всей занятости лектора, секретаря Ученого совета и заведующего кафедрой, все же писал какие-то труды. Что это было, мы так и не узнали. Было ли это продолжением научной тематики времен взаимодействия с Ильей Михайловичем, или это были исследования по близкой ему электродинамике, или воспоминания, или учебник?

В прошлом году исполнилось 20 лет со дня кончины Леонида Степановича. 1993 год стал годом его памяти. Ему посвящены мои строки стихотворных воспоминаний (см. в конце этого раздела).

Апрель 1994 года

P.S. Эти воспоминания я давал читать Клавдии Васильевне и ее дочери Лидии Леонидовне, после чего получил от них две замечательные семейные фотографии. На обратной стороне одной из них написано: “Дорогой Леонид Степанович! От комиссии по созданию юбилейного стенда, в память о том, как мы Вас замучили. 1/IV 70 г.”, на другой – “Ну и тыква!” Кроме того, дочь передала мне записку с двумя важными дополнениями к портрету Леонида Степановича. Вот что там любезно сообщается:

“1. Папе предлагали вступить в партию неоднократно. Он находил благовидный предлог отказаться. Отказ был абсолютно принципиальным. Дело в том, что папа был сыном “врага народа” и советской власти гибель дедушки не простил

2. Папа очень серьезно увлекался философией. Прекрасно знал классическую философию, философию естествознания, русскую философию (с Бердяевым, Соловьевым, Булгаковым, Трубецким он нас познакомил до всяких перестроек, так как их работы можно было брать в ЦНБ), марксистско-ленинскую философию. Над теми крохами познаний, которые расточали профессиональные философы, он посмеивался, и “труд”, который, как казалось студентам, он обдумывал, был, скорее всего, философским”.

24 мая 1994 года на конференции в Новой физической аудитории мы отмечали 50-летие нашей кафедры. Выступили многие ее выпускники. Среди них – один из первых учеников И.М.Лифшица – Моисей Исаакович Каганов. В своем большом мемориальном докладе он очень тепло отозвался о Леониде Степановиче, после чего мне весьма кстати довелось продекламировать приводимый ниже стих памяти незабвенного Гулиды.

Среди бывших учеников Леонида Степановича был и Борис Викторович Кондратьев, окончивший физмат на два года раньше меня в группе теоретиков-ядерщиков. Он вспомнил два любопытных эпизода, связанных с Л.С. Во-первых, Леонид Степанович, который вел у них практику по электродинамике, предложил Кондратьеву выполнить курсовую работу, связанную с расчетами на основе статьи на немецком языке. В ней Борису Викторовичу встретились функции синус и косинус, написанные готическим шрифтом, которые он посчитал обычными тригонометрическими. Его расчеты, однако, оказались неверными,

поскольку немцы так обозначали гиперболические функции. Леонид Степанович указал на эту ошибку. Еще он добавил, что Л.С. вообще очень хорошо знал немецкий язык, о чем свидетельствует случай с А.Н.Рязановым, который нигде не мог выяснить, что означает слово auspunkt, и только Л.С. подсказал ему, что это “точка измерения”. Во-вторых, он вспомнил, что существовала легенда, что якобы однажды во время чтения Леонидом Степановичем лекций по теоретической физике для химиков в старом химическом корпусе, на лектора внезапно упала большая доска...

Как я уже упоминал, при Леониде Степановиче на кафедре появилось новое молодое пополнение. Это были физики-теоретики Олег Иванович Любимов и Олег Викторович Усатенко. Оба согласились рассказать об уважаемом Леониде Степановиче.

Вот слова Олега Викторовича Усатенко о Леониде Степановиче:

“Это был редкостной доброты человек. Казалось, что он всем и всеми доволен. Вечно улыбающийся, так что это вызывало невольные улыбки у тех, кто его видел. Даже когда он шел по улице, казалось бы, никого не замечая, и в этот момент на его лице сияла неизменная улыбка. Это вызывало многочисленные рассказы и небылицы в среде студентов. Казалось, что такой человек должен был жить очень и очень долго.

Его доброту испытал на себе и я, получив от него совершенно неожиданно предложение работать на его кафедре, хотя в это время уже велись переговоры и я готов был согласиться с предложением работать на кафедре теплотехники ХПИ”.

Рассказывает Олег Иванович Любимов:

“О Леониде Степановиче Гулидé. Вернее, я слышал, как он несколько раз поправлял, что он Гули’да, на белорусский манер, но потом ему надоело это и он принимал оба варианта ударений. Я безмерно благодарен этому человеку за то, что он безоговорочно принял меня на свою кафедру.

Я после окончания Университета попал на кафедру высшей математики, но меня все время тянуло на кафедру теоретической физики. После двух лет работы я подошел к Леониду Степановичу и попросил его, чтобы он взял меня на свою кафедру. Я не очень понимал, почему он сразу согласился. Потом я сообразил, что, вероятно, он предварительно согласовал это с Зиновием Самойловичем Аграновичем, который

возглавлял кафедру высшей математики. Получилось так, что еще полгода я работал на двух кафедрах, ведя полную нагрузку по двум кафедрам. Это было для меня потрясающе. Уточню, что первый разговор с Л.С. у меня произошел в конце 1966 года, а перешел я с кафедры на кафедру в начале 1967 года.

Я был принят ассистентом, но мне очень хотелось серьезно заниматься научной работой. Тогда Л.С. посоветовал мне поступить в аспирантуру к Илье Михайловичу Лифшицу, что я и сделал. Примерно год я проучился в аспирантуре, но затем Илья Михайлович переехал в Москву, а Л.С. нашел мне нового научного руководителя – Эмануила Айзиковича Канера.

С Л.С. у меня были только производственные отношения. Я не был вхож в его семью, так что каких-то особых воспоминаний о его личной жизни у меня нет. Однако об одном случае я могу сообщить сразу. В один из первых рабочих дней я пришел на первую пару очень больной. Л.С. сделал мне внушение, сказав, чтобы я шел немедленно домой. При этом он рекомендовал такой способ лечения: нужно набрать полную тарелку квашеной капуты, налить полный стакан водки, выпить ее и съесть всю капусту, после чего ложиться спать. Я так и сделал. Этот способ лечения начинающегося гриппа я воспринял как универсальное средство, но Л.С. отметил, что это не так. Только на определенной стадии болезни это полезно, тогда как в иных случаях это может принести только вред. Иногда говорят, что Л.С. был выпивающим человеком, но это все неправда. Насколько я помню, он просто был непьющим. Многие так считали из-за его внешности.

Л.С. был совершенно блестящим лектором. Других таких я не встречал. Он очень глубоко понимал предмет. И тяга к нему тех студентов, которых он учил, проявляется до сих пор. Это удивительный момент и он связан, видимо, с тем, что Л.С. долгие годы был Ученым секретарем физического факультета. Он ко всякому делу относился очень добросовестно, а работая Ученым секретарем, пропускал через себя все диссертации. Он говорил, что это все ему очень надоело, но каждая диссертация им прочитывалась и он был в курсе всех самых свежих идей в физике из разных областей, не только теоретической. Он отдавал этому очень много сил. Своих учеников он также умел зажечь, что я помню по своей курсовой работе на тему “Светящийся электрон”.

До сих пор есть расхожая фраза: “А у Вас конспекты Гулиды сохранились?” Например, это спрашивал у меня В.А.Ямпольский. К

сожалению, я пишу плохо, но у моей жены есть хорошие конспекты, по которым видно, как блестяще читал Л.С. Курс лекций у него был чрезвычайно продуманным. Несмотря на некую неторопливость, он успевал изложить очень много материала. Так, он рассказывал и про резонаторы, и про волноводы. Л.С. говорил, что самое сложное в электродинамике – это термодинамические соотношения в магнитном поле. Л.С. читал этот раздел совершенно оригинально, так что он вполне мог бы войти в самые строгие курсы теоретической физики.

Добавлю еще, что Леонид Степанович, читая лекции, всегда очень пачкался мелом. Одно время он постоянно носил с собой некий загадочный портфель. В конце концов выяснилось, что в этом портфеле у него была одежная щетка, чтобы стряхивать с себя мел. На кафедре он раскрывал портфель, и пару раз мне удалось подсмотреть, что кроме щетки в нем ничего не было”.

Хорошо помнит Леонида Степановича и нынешний наш заведующий Александр Михайлович Ермолаев, который написал следующее:

“Бытует мнение, что учение впрок лишь тем, кто предрасположен к нему, но им оно почти не нужно. Известный физик-теоретик, доцент кафедры теоретической физики Леонид Степанович Гулида этому правилу не следовал. Он прекрасно учил всех. Будучи студентом физико-математического факультета университета, я слушал лекции Леонида Степановича по теоретической механике и электродинамике, посещал его семинары. Отличительные черты его лекций – последовательность, глубина, доступность. Леонид Степанович излагал лекционный материал так, что даже слабо подготовленный студент успевал все записать и осмыслить.

Леонид Степанович оставил заметный след в теории образования зародышей новой фазы внутри кристалла при его плавлении. До его работ считалось, что на диаграмме состояний вещества отсутствует область перегретого твердого тела. Леонид Степанович нашел условия, при которых перегрев монокристалла возможен. Эти результаты опубликованы им в совместных с И.М.Лифшицем работах (ДАН СССР, 1952) и стали классическими.

Много внимания Леонид Степанович уделял воспитательному процессу, организационной работе на кафедре. Выполняя функции

секретаря кафедры, он полностью освобождал заведовавшего в то время И.М.Лифшица от рутинных обязанностей.

Леонид Степанович только внешне казался строгим и недоступным. На самом деле он был добрым, отзывчивым, справедливым. Коллеги любили его за профессионализм, внимательное отношение к судьбе каждого. Нерадивые студенты боялись сдавать ему экзамены. Но после экзамена каждый был удовлетворен тем уроком объективности, который умел продемонстрировать Леонид Степанович. Таких преподавателей, каким был Леонид Степанович Гулида, любят, ими восхищаются, их всегда помнят".

В своем архиве я обнаружил листок, на двух страницах которого рукой Леонида Степановича написана моя характеристика. Ее фрагмент вместе с еще одним автографом Леонида Степановича в виде надписи на книге, которую он подарил Зинаиде Ивановне Сизовой, привожу с любезного согласия последней.

Л.С.Гулиде посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть упомянутые дополнительные материалы:

Песчанский В.Г., Ульянов В.В. Леонид Степанович Гулида. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 4. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002.- 20 с.

Л Е О Н И Д С Т Е П А Н О В И Ч

...Не для формы, не для виду
Вместе вспомнили Гулиду.
20 лет его как раз
Нет уже ведь среди нас.
Но всегда нам было ясно –
Был он лектором прекрасным,
Обладал большим искусством
Излагать с глубоким чувством.
Курс, пусть даже очень сложный,
Всем всегда понять возможно.
Коль беззвучно он смеялся,
Весь слезами заливался
И в учительском пылу
С головы до ног в мелу
После лекций приходил.
Тихим, скромным, добрым был.
Вне студенческих понятий:
Иногда среди занятий
Повернёт лицо к окну,
Устремляя взор в одну
Удалённейшую точку...
Вспоминал жену иль дочку
С выраженьем удивленья?
Часто слово в предложеньях
"Приизводная" вставлял,
Чем нас очень умилял.
"Вирьятностью" в избытке
Вызывал у нас улыбки.
Для бумаг держал корзины,
Чтоб чиновника-детины
Циркуляры не читать –
Скомкав, в мусор отправлять.
И байдаркой увлечённый,
Обязательный, Учёный
Секретарь Совета был
На физмате, – кто забыл.
Так позвольте мне заметить:
Новый 93-й –
Год Степанча Леонида
По фамилии Гулида.

Январь 1993 года В.В.Ульянов

Борис Иеремиевич Веркин

Чтение лекций – процесс творческий,
где индивидуальные особенности
преподавателя играют доминирующую роль.
С.Э.Фриш

Общую физику читал у нас Борис Иеремиевич Веркин – солидный смуглый мужчина, с яркими горящими глазами, выходивший к доске даже зимой в легкой летней рубашке с короткими рукавами. Он был очень строг. Опаздывать на его лекции запрещалось, но самым большим испытанием были опросы на лекции. Он вызывал к доске очередную жертву: на столе перед ним были списки групп, в которых, видимо, его ассистенты, ведшие практику, отмечали тех, кого стоило трогать. Вся физическая аудитория, затаив дыхание, следила за его пальцем, перемещающимся по фамилиям. Несчастная жертва шла к доске, и мы сочувствовали товарищу. Иногда все кончалось печально, но чаще наши лучшие студенты всем на удивление довольно хорошо отвечали на его вопросы. Иногда ответ нужно было давать с места. Произносился вопрос, а затем звучала фамилия. Один раз жребий выпал мне, но вопрос был простым: нужно было сказать, какой формулой описывается то-то и то-то.

Эту формулу я, к счастью, знал, так что проскочил благополучно (с места я отвечал об уравнении Пуассона $\Delta\varphi = -4\pi\rho$).

Еще более строг он был на экзаменах, о чем предупреждал заранее. Хорошо помню такой экзамен. В небольшой аудитории сидели несколько старшекурсниц, то ли хвостисток, то ли не успевших сдать вовремя. Борис Иеремиевич приветствовал сдачу без подготовки. Билет мне попался не очень трудный, и я отважился на авантюру. Веркин ухмылялся, но слушал внимательно. В присутствии старших вначале я был несколько скован, но затем, помнится, распоясался. Кажется, он в конце концов оборвал меня и приступил к разбору моего ответа. Он указал мне на неточности и какие-то неверные заключения, но в целом похвалил

Б.И.Веркин

перед старшекурсниками. Однако он тут же предупредил, что в следующий раз будет ко мне еще более требователен. На втором экзамене я уже был морально готов к его возможным придиркам, но уже после первого вопроса его куда-то позвал В.И.Хоткевич, и я заканчивал отвечать его ассистентке.

Видимо, все же он запомнил меня, так как через некоторое время предложил сотрудничество и дал конкретное задание. Помню, как он пригласил меня в "предбанник" физической аудитории, куда я попал впервые. Обычно отсюда выходили перед началом лекции его ассистенты, а затем быстрым рывком появлялся и он сам, застывая на мгновение в характерной позе, опираясь на мощные руки, во время процедуры приветствия, когда все мы вставали в аудитории по стойке смирно. Эта сцена напоминала начало циркового представления с выходом униформы и конферансье (шпрехшталмейстера) из-за кулис. И вот теперь тайна "предбанника" открылась предо мною. На столе лежала открытая тетрадь. "Это мои конспекты лекций, которые нам читал Кирилл Дмитриевич Синельников", – сказал он. – "Это мои шпаргалки".

Однажды Борис Иеремиевич привел меня в одну из лабораторий в старом физическом корпусе. В ужасной тесноте, – все было заставлено приборами, провода хаотически переплетались, стеклянные колбы и баллоны дополняли неописуемое впечатление, – находилось место для нескольких человек, копошившихся в таких фантастических условиях.

Мне было сказано, что тут и для меня найдется уголок, если дело дойдет до реализации предложенного мне Веркиным проекта воссоздания установки Л.И.Мандельштама для параметрического резонанса. Видимо, подсознательно уже тогда у меня сложилось впечатление, что экспериментальное поприще не для меня, хотя конструировать и работать руками был приучен с детства. Перспектива работать в столь диких условиях отбивала всякое желание экспериментировать.

Покопавшись в литературе и изучив описание прибора и теорию, я затягивал разговор с Веркиным, и он вскоре, видимо, понял, что я, не проявив должного рвения, не гожусь для этой деятельности. Вот таким образом и решился вопрос о выборе специализации, – оставалось стать теоретиком.

Запомнилось, как однажды на лекции он впервые употребил знак интеграла и в связи с недоумением большинства студентов объяснил, что

сей "дрючок" называется интегралом и означает некое подобие суммы, о чем мы, мол, узнаем позднее на лекциях по высшей математике.

Его отчество прошло у нас три стадии: вначале он был для нас просто Еремеевичем, позднее оказалось, что это Иеремеевич, и гораздо позже мы узнали, что правильно Иеремиевич.

Любопытно, что в те времена общую физику читали разным курсам поочередно Б.И.Веркин и А.А.Галкин. Ассистентами у них были Юрий Павлович Благой (наш горячо любимый "Юрочка" – баскетбольного роста, с милой улыбкой и добрым отношением к безобразникам студентам), Николай Николаевич Багров, Клавдия Николаевна Богданова, Виталий Александрович Перваков и Наталья Андреевна Власенко.

Добавлю фрагмент из моих воспоминаний “На Университетской”, в которых говорится о весне 1955 года и о событиях во дворе старого физмата.

Весна, весна. Дышится легко. Период оттепели во всем. Смех, улыбки, веснушки, зелень на деревьях.

Вышел покурить Б.И.Веркин – крупный, смуглый, видный, темноглазый мужчина, читавший у нас общую физику. Его окружают ассистенты, среди которых выделяется своим баскетбольным ростом и доброй улыбкой Ю.П.Благой ("Юрочка" принимал у нас лабораторные работы). Борис Иеремиевич рассказывает своим питомцам о неких тайных замыслах: ему тесно в рамках физмата, его широкая натура рвется на простор. Он хочет создать физический институт, в перспективе – даже отдельно от университета. Пройдут годы, и мечта его сбудется: на окраине города вырастет научный городок – ФТИНТ – памятник смелому Веркину.

Апрель 1994 года

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ

Первый раз курс лекций по общей физике на физмате ХГУ Б.И. начинал читать осенью 1950 года, не будучи еще кандидатом физ.-мат. наук (он защитил кандидатскую диссертацию в 1951 году, а докторскую – в 1958 году). Тогда его слушали В.Г.Песчанский, В.В.Еременко, А.Н.Рязанов. Говорят, что он очень тщательно готовился к лекциям и не вызывал еще студентов к доске.

Таким образом, осенью 1952 года, когда он стал читать нашему курсу, это был его второй заход (в ранге кандидата наук). Веркину как раз исполнилось 33 года – он еще не достиг экватора своей жизни. Впоследствии ему довелось еще раз вернуться к чтению общего курса физики уже на физическом факультете (в 1964 году). Любопытно, что в выпущенной к 70-летию Веркина брошюре – биобиблиографическом справочнике – написано, что он "преподавал экспериментальную физику в Харьковском университете", что соответствует истине, поскольку он действительно читал спецкурс по экспериментальной физике. Однако ничего не сказано о том, что он также читал и курс общей физики, причем неоднократно.

Веркин никогда не пользовался никакими шпаргалками во время своих лекций, хотя в предбаннике лежала его тетрадка с конспектами лекций К.Д.Синельникова (Б.И. окончил физмат ХГУ в 1940 году).

В те времена в школах было раздельное обучение, так что с девочками-студентками мы впервые учились вместе. Помнится, что на лекциях лица разного пола вначале сидели отдельно, хотя группы были смешанными (даже ядерщики были в наших группах). Как вспоминал мой сокурсник Иван Георгиевич Иванов, было стыдно опозориться перед девицами при вызовах Б.И. для ответа у доски.

Веркин пугал, что будет очень жестко принимать экзамены, но фактически он никогда не придирался, хотя и был достаточно строг. Это был настоящий Учитель Физики, Пропагандист Науки. Он не подавлял, а стимулировал.

Именно ему я обязан тем, что физика стала мне близка и до некоторой степени понятна. Хотя наш школьный учитель физики и рассказывал, как он до войны поступал в аспирантуру к Ландау, которого "преодолел", однако "срезался" при сдаче экзамена по языку, но ему не удалось привить мне любовь к своему предмету.

Веркин никогда не заигрывал со студентами, не фамильярничал, соблюдалась дистанция. От него мы никогда не слышали ни анекдотов, ни веселых историй, лишь иногда он рассказывал короткие назидательные притчи.

Б.И. во время своих лекций любовно обводил опорные формулы рамочками, что подтверждают и мои конспекты его лекций.

Указка, которой Б.И. грозно стучал по столу, если возникал шум в аудитории, была эбонитовая (по мнению И.Г.Иванова).

Лекции Веркина иногда сопровождались демонстрациями, которые проводила смуглая строгая женщина восточного типа – Елизавета Ивановна Тер-Микаэльянц. Держалась она гордо и независимо, даже позволяла себе появляться в аудитории с сигаретой в зубах. Вместе со смуглым Веркиным (по мнению В.А.Первакова, напоминавшим индийского йога) они образовывали весьма колоритную пару.

Кажется, что все разделы физики Веркин излагал одинаково, не отдавая предпочтения ни одному из них. Конечно, мое восприятие его лекций было идеализированным, некритичным. Возможно, с позиций опытного преподавателя его можно было бы в чем-то упрекнуть, но память хранит все так, как было, и нет желания что-то пересматривать и заново переосмысливать.

О некоторых любопытных смешных случаях с Б.И. образно рассказал Виталий Александрович Перваков на семинаре памяти Веркина в 1999 году.

Так, Б.И. часто засыпал, сидя в стоявшем у них на кафедре волшебном кресле ("кресле забвения") во время заседаний. Однажды это произошло при изучении очередных партийных материалов под председательством парторга Анны Ивановны Горностаевой, которая начала зачитывать их. Вскоре раздалось явное посапывание Б.И., и она прекратила чтение, но присутствующие подсказали ей продолжать мероприятие.

Когда она закончила, Веркин сразу же встрепенулся и предложил принять повышенные обязательства по ожижению газов. Хотя подобные обязательства брались часто формально, однако на сей раз Б.И. добыл некую вертикальную установку, которая долго потом без применения торчала на кафедре, мешала, использовалась в качестве вешалки, а затем Первакову удалось сплавить ее каким-то гостям из Херсоа в обмен на три вяленые рыбы.

Другой случай произошел с Б.И., когда он однажды машинально взял в рот два оголенных проводка, торчавших из розетки радио на кафедре, и, разъяренный от легкого удара током, потребовал от Первакова объяснений, на что тот невинно ответил, что прочитал в журнале "Наука и жизнь" о чрезвычайно простом методе прослушивания радиопередач: двое должны прислониться друг к другу, а в уши нужно вставить провода от розетки. Тогда Б.И. позвал Владимира Игнатьевича Хоткевича, и они вместе стали в нужную позу, прислушиваясь. При этом картина была настолько комичной, что присутствовавшие рассмеялись. Веркин рассердился, решив, что над ним подшутили, но Перваков заверил, что ничего подобного. Веркин и Хоткевич, вновь прижимаясь друг к другу, продолжили опыт. Опять раздался смех, и Веркин решил, что их разыграли дважды.

Перваков был свидетелем также еще одного веселого эпизода. Однажды к Веркину пришел какой-то надоедливый посетитель, задававший много вопросов. Через некоторое время Б.И. обратился к находящимся рядом Первакову и Николаю Николаевичу Багрову с просьбой поймать такси, так как ему, мол, нужно срочно ехать на аэродром. Те вышли из комнаты, однако Багров никуда дальше не пошел, а уселся в кресло. Перваков с недоумением спросил его: "Коля, а как же такси?" На что Багров ответил: "Ты что, не понял – Б.И. просто хочет избавиться от назойливого типа." Однако через несколько минут появился спешащий Веркин с вопросом, где же такси. Ему действительно нужно было уезжать.

Эффект де Гааза-ван Альфена был главным объектом исследований Б.И. в те годы. В мире физиков известно, что именно Веркин был главным экспериментатором, изучавшим его на различных материалах и в различных условиях, однако в своих лекциях он упоминал об этом весьма скромно. Любопытно, что и в моей жизни этот эффект сыграл определенную роль. Так, один из моих докладов на семинаре Ильи Михайловича Лифшица во время чтения им у нас спецкурса по квантовой статистике был посвящен как раз появившейся тогда работе И.М.Лифшица и А.М.Косевича на тему этого эффекта для электронного газа с произвольным законом дисперсии. За консультацией Илья Михайлович посоветовал обратиться к его аспиранту Валентину Григорьевичу Песчанскому, который был очень внимателен и добр ко мне.

Позднее, уже будучи аспирантом Лифшица, я выбрал из предложенных мне вариантов темы диссертации именно теоретическое исследование эффекта де Гааза-ван Альфена с учетом взаимодействия электронов, а для пробных аспирантских лекций подготовил изложение одного из методов расчета этого эффекта с помощью “модных” в то время функций Грина. В группе студентов-теоретиков 4-го курса, где с согласия ведшего там спецкурс Льва Элеазаровича Паргаманика я прочитал эти лекции, как раз учились Александр Михайлович Ермолаев и Александр Яковлевич Бланк, через полгода попросившийся ко мне в дипломники. Вот каким образом, благодаря одному физическому эффекту, я оказался связан со многими близкими мне людьми – Б.И.Веркиным, И.М.Лифшицем, А.М.Косевичем, В.Г.Песчанским, Л.Э.Паргамаником, А.М.Ермолаевым и А.Я.Бланком.

Косвенно Б.И.Веркин сыграл также большую роль и в том, что я после аспирантуры попал на кафедру теоретической физики. Это было в 1960 году, когда появился созданный Веркиным ФТИНТ, куда как раз собирался переходить теоретик Д.Г.Долгополов, которого не хотели отпускать из университета и который предложил меня в качестве замены. Как вспоминал В.Г.Песчанский, Долгополова не отпускали именно к Веркину, так что он вынужден был придумать финт: якобы он получил запрос из Алма-Аты, куда его согласились отдать, а фактически он в конце концов перебрался во ФТИНТ.

Уже в те времена между администрацией ХГУ и ФТИНТом были весьма натянутые отношения. Веркина обвиняли в том, что он сманивает ценные кадры, хотя в ХГУ к тому времени для многих людей не было условий для полноценной научной работы, была огромная очередь на жилье, было засилье бюрократии. Нечто подобное произошло в свое время и с самим Веркиным, когда его не хотел отпускать Борис Георгиевич Лазарев, обидевшийся на своего любимого ученика за уход из УФТИ. Потом их отношения наладились, а вот между университетом и ФТИНТом так и не удалось установить полноценного сотрудничества, несмотря на громкие заявления с обеих сторон, звучавшие во время очередных призывов о сращивании науки и образования.

Накануне семинара памяти Веркина А.М.Ермолаев дал мне почитать только что вышедшую из печати прекрасную книгу соратника Бориса

Иеремиевича Игоря Михайловича Дмитренко "Рождение института", в которой пред нами впервые предстал Б.И. в совершенно новом обличье и в которой открылись внутренние процессы создания того, о чем мы фрагментарно знали только по внешним результатам.

С большим душевным волнением я готовился к своему выступлению на этом семинаре, посвященном моему Истинному Учителю Физики. Перечитал свои воспоминания, написанные пять лет назад к 50-летию нашей кафедры теоретической физики, в которых есть и страницы, посвященные специально Борису Иеремиевичу Веркину. Побывал в старых корпусах физмата и в старой физической аудитории, где Б.И. читал нам свои замечательные лекции по общей физике. Достал из шкафа свой выпускной (1957 года) альбом фотографий, среди которых есть и изображение Б.И.Веркина.

Заодно просмотрел и другие альбомы того времени. Поговорил со своими бывшими однокурсниками – Александром Сергеевичем Дзюбой и Иваном Георгиевичем Ивановым. Они помогли вспомнить некоторые детали, подтвердили кое-что, в чем я сомневался. Мы вновь окунулись в мир нашей молодости. Во время выступления на семинаре я испытал необычный подъем, редкий в последние годы...

16 сентября 1999 года

Б.И.Веркину посвящена моя книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ульянов В.В. Борис Иеремиевич Веркин. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 5. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002.- 20 с.

Арнольд Маркович Косевич

Человек может стать очень крупным ученым при редком сочетании многих, на первый взгляд, противоречивых свойств. Сюда относятся: оригинальность мышления и большая эрудиция; живость и привычка упорно, кропотливо трудиться; научная фантазия и осторожность.

С.Э.Фриш

Мое первое знакомство с Арнольдом Марковичем относится к студенческим годам во время защиты им кандидатской диссертации. Эпизод этот подробно запечатлен мною в стихотворении, а также вошел в воспоминания об И.М.Лифшице (см. дополнение).

Далее мне доводилось наблюдать Арнольда Марковича в основном на городских семинарах теоретиков, которые вел И.М.Лифшиц. Хорошо запомнились доклады А.М., отличавшиеся особой четкостью изложения, доступностью. Чувствовалось, что докладчик знает о работе больше, чем вложили в нее авторы (на семинаре Ильи Михайловича часто докладывались работы внешних авторов).

Когда Илья Михайлович дал согласие уехать в Москву, то он хотел забрать с собой двух ближайших учеников – М.И.Каганова и А.М.Косевича. Судьбе угодно было распорядиться так, что Арнольд Маркович остался в Харькове, за что мы ей несказанно благодарны, поскольку это дало возможность кафедре в течение последующих лет поддерживать с ним самые тесные контакты.

А.М.Косевич

Арнольд Маркович многие годы читал общий курс термодинамики и статистической физики на физическом факультете, который в свое время вел именно Илья Михайлович. Кроме того, А.М. читал спецкурс по теории кристаллической решетки для студентов-теоретиков, что привело к появлению целого ряда прекрасных книг по этой тематике.

Самое тесное общение со студентами-теоретиками состояло также и в том, что А.М., будучи выдающимся ученым, охотно брал под свою опеку дипломников, многие из которых становились его аспирантами, а затем и научными сотрудниками его теоротдела во ФТИНТе.

Вначале Арнольд Маркович, в отличие от М.И.Каганова, отказывался руководить студентками, однако одна из теоретичек проявила особую настойчивость и сумела-таки нарушить сложившуюся традицию – он сдался и, видимо, не пожалел в дальнейшем: Оксана Анатольевна Фесенко-Чубыкало не только прекрасно выполнила дипломную работу, но, будучи аспиранткой Арнольда Марковича, выиграла всесоюзный конкурс кандидатов на одну из первых стажировок в Англии (когда на 20 мест претендовали 1000 человек). Она успешно защитила затем диссертацию, успев родить ребенка, и получила приглашение для дальнейшей работы за границей. А вскоре еще одна выпускница нашей кафедры – Марина Владимировна Воинова – стала аспиранткой Арнольда Марковича и также, успешно защитив кандидатскую диссертацию, работает ныне за границей.

А.М.Косевич на семинаре памяти И.М.Лифшица 13 января 1987 года

Об умении Арнольда Марковича простым, но строгим языком говорить о теорфизических работах уже было сказано. Этот дар проявлялся и в его выступлениях на заседаниях кафедры, и в лекциях, и в других публичных выступлениях. Однако интересно, что Арнольд Маркович и в личном общении со своими коллегами и учениками сохраняет этот же стиль сочетания строгого лаконичного повествования с легкостью человеческого обаяния.

На протяжении 12 лет заведования кафедрой мне довелось довольно часто беседовать с Арнольдом Марковичем, главным образом по поводу учебных поручений и работы со студентами. Именно в это время удалось с ним познакомиться поближе. При внешней строгости и сдержанности А.М. обладал исключительной деловитостью, умением кратко и четко

формулировать свои пожелания или вопросы, всегда оказываясь человеком ответственным, честным, обязательным.

А.М.Косевич и В.В.Ульянов

Все эти качества позволили Арнольду Марковичу написать прекрасные книги по теоретической физике, которые являются одновременно и научными монографиями – настольными книгами для теоретиков, работающих в соответствующей области, – и учебниками для студентов и аспирантов. Открываешь любую наугад – и получаешь удовольствие от манеры автора четко, просто, емко, предельно конкретно излагать материал. Написав эти строки, я тут же не поленился еще раз проделать это. На полке ближайшей книгой Арнольда Марковича была "Теория кристаллической решетки". Выбираю случайную страницу и читаю – все так и есть.

Д О П О Л Н Е Н И Е

(из воспоминаний об И.М.Лифшице)

На защите диссертации

Однажды мне удалось побывать на Ученом совете физмата. Дело было в старом здании университета, в физической аудитории. Помню, что кто-то посоветовал пойти посмотреть поучительный научный спектакль – защиту диссертации. К тому же защищаться должен был сам Арнольд Маркович Косевич – известный уже тогда талантливейший ученик Ильи

Михайловича. Пробрался я задолго до начала церемонии на свое излюбленное место в этой аудитории, откуда все хорошо видно.

А.М.Косевич с аспирантом Хуаном Карлосом

Зрелище было колоссальное. Собрались знаменитые люди. Каждого в отдельности приходилось видеть и раньше, но вот всех вместе, да еще в столь торжественной обстановке... Словом, это было яркое представление, запомнившееся навсегда. Героями были Арнольд Маркович, которого я видел, кажется, впервые, и Илья Михайлович Лифшиц, которого предстояло узнать в новом качестве.

События развивались быстро и бурно. Особенно запомнилась дискуссия, развернувшаяся после выступления диссертанта. Схлестнулись Илья Михайлович и Борис Яковлевич Пинес. Они что-то доказывали друг другу, не обращая внимания на окружающих. Мне даже стало обидно за главного героя, о котором и вовсе забыли на какое-то время. Спор был очень жаркий, но все было в рамках корректного поведения. Никаких личных оскорблений, никакого рукоприкладства. Спор шел во имя Науки. Так мне удалось познать еще одну грань личности Ильи Михайловича. Я попытался воспоминания об этом Ученом совете облечь в форму стихов (см. далее) и даже отважился подарить их Арнольду Марковичу.

Семинар

Илья Михайлович руководил городским семинаром теоретиков, который проходил в большом зале Дома ученых по пятницам с 10 часов

утра. Иногда удавалось убедить факультетских составителей расписания, чтобы теоретикам в это время не ставились занятия. Присутствие на этих семинарах было очень полезным, особенно для начинающих теоретиков. Многое было непонятным, но здесь формировалась школа, вырабатывались навыки общения, постигались этические принципы, усваивались теорфизические приемы. Многие новые работы, положившие начало крупным направлениям в теории, докладывались по свежим следам, разбирались в деталях и становились ясными именно после докладов на этом семинаре...

Однажды Арнольд Маркович Косевич рассказывал о дислокациях. В то время это была еще не разработанная область теории. В заключение Илья Михайлович подчеркнул, что очень важно развить теорию, наметил, какие задачи, по ЕГО мнению, следует решить, и обратился с предложением к Арнольду Марковичу взять на себя этот труд. Арнольд Маркович последовал ЕГО советам. В результате появилось новое направление в теории реальных кристаллов, вышли монографии Арнольда Марковича, до сих пор на кафедре читается соответствующий спецкурс.

Один раз Арнольд Маркович доложил работу Друкарева и Демкова о стабилизирующем влиянии магнитного поля на появление связанных состояний в слабом трехмерном поле притяжения. Результат был красивый и физически понятный. Эта проблема долгое время интересовала теоретиков в разных своих аспектах. Через много лет довелось и мне более детально проанализировать разные случаи (даже без магнитного поля) в монографии.

В семинарах участвовали теоретики разных направлений. Это единство формировало то, что получило название Харьковской школы, начало которой было положено Ландау в довоенные годы. Два лидера – И.М.Лифшиц и А.И.Ахиезер – всегда демонстрировали дружеские взаимоотношения. У каждого из них сложилась своя школа, но соперничества мы не чувствовали. На семинар часто приглашались гости из других теорфизических центров СССР. Запомнились выступления В.Л.Гинзбурга.

А.М.Косевичу посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Арнольд Маркович Косевич. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 6. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. – 32 с.

НА ЗАЩИТЕ А.М.КОСЕВИЧЕМ КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

...Вспомнился иной Совет, –
Миновало 40 лет.
  В милой старенькой "физичке"
  Проходил он по привычке.
Мне, студенту из физмата,
Наши славные ребята
  Догадались подсказать
  На защите побывать.
Как всегда, собрался рано.
Старшекурсник А.Рязанов
  Шёл с портфельчиком отличным
  Рядом с корпусом физичным.
Я уселся ближе к входу.
Предостаточно народу
  К заседанью собралось.
  Вот что вспомнить удалось:
Колоритные персоны –
Кудри, лысины, фасоны
  Брюк, рубашек, пиджаков
  Молодых и стариков.
Среди них усатый странник –
Мой знакомый Паргаманик.

Рядом – Ахиезер шумный,
Мильнер с очень миной умной
И Гегузин оживлённый,
Нежно в физику влюблённый.
Вальтер – царственно лобастый –
И Синельников очкастый.
Герман, Бублик и Шкляревский,
Погорелов и Гордевский.
Горностаева, Сутулин,
Сгорбившись, сидит на стуле.
Вот Терещенко вразвалку
Входит, опершись на палку.
Деловитый гражданин –
С завитушками блондин.
Темнокудрый Боровик
Сквозь очки глядеть привык, –
Холла пламенный любитель,
Многих физиков учитель.
Звездочёт Барабашов –
Вид усталый, нездоров.
Рядом с ним сидит Езерский,
На Луну взирая дерзко.
Тут же Плужников уселся, –
Не такого насмотрелся.

Славный, миленький Гулида, –
Вы не скажете по виду,
Что Учёный Секретарь.
Мудрость, схваченная встарь:
Чем напыщеннее вид,
Тем пустее индивид.
Каганов с улыбкой вечной, –
Взгляд весёлый, вид беспечный, –
Каланча внутри кружка –
Анекдот у шутника.
Были ядерщики, ясно, –
Засекречены ужасно.
Кто же самый-самый главный?
Кем физмат наш был прославлен?
Титовна Анастасия –
Украина и Россия,
Грузия, Узбекистан,
Латвия и Казахстан, –
Знали все её, ребята, –
Королеву деканата,
Маштакову славную,
Секретаршу главную.
Юный Юрочка Благой –
Наш учитель дорогой.

Милославский, Перваков,
Повзнер, Бланк без пиджаков.
С ними Марченко младой.
Долгополов был хромой.
Глазман, тёмный на лице.
Балтага сидел в конце.
Пятигорский однорукий
И Сушкевич близорукий.
Ахиезер-математик,
Вышеназванного братик.
Был Кривец и был Тарапов, –
Подсказал потом Шарапов.
Виноват! Не помню всех.
Понимаю – это грех.
Не судите слишком строго –
Лет прошло ведь очень много.
Может, лишнего добавил
Я вразрез этичных правил.
Дело было средь недели.
Короп с Дринфельдом сидели.
Лишь отвлёкся на момент –
Рядом с Лейбиным студент.
Веркин, Галкин и Хоткевич.
Диссертант – Арнольд Косевич.

Восходящая звезда
Теоретиков тогда.
Элегантен, галстук новый,
Цвет лица вполне здоровый.
Говорил свободно, смело, –
Сразу видно – знает дело.
Уникальный аспирант!!
Откопал Ильмех талант!
В школе Лифшица, – каков! –
Ас среди учеников!
После ёмкого доклада
Проходило всё, как надо.
Лишь в дискуссию включились –
Пинес с Лифшицем сцепились.
Два заслуженных, солидных
Не жалели слов ехидных,
Ко всему вокруг глухи –
Доктора и ... петухи.
Не дошли к прикладству руки –
Спор вели ради НАУКИ!!
Чем защита завершилась?
Что потом, к концу случилось?
Я ответить не могу –
Стёрто всё в моём мозгу,

В дымке лет детали скрылись, –
В целом сцены не забылись:
Люди, место, ДУХ НАУКИ,
Незабвеннейшие звуки
Столь родимых голосов
Физматических отцов,
Атмосфера уваженья,
Милой ФИЗИКЕ служенья...
Ностальгические нотки
Появились у сиротки!
Видно, ты, приятель, стар,
Что пустился в мемуар.
Да, того не отрицаю,
Хоть годами не бряцаю.
Думаю, настало время
Вспомнить нам былое племя.
Может статься, будет поздно, –
Говорю о том серьёзно, –
Ныне только единицы
Помнят тех времён страницы.
Пусть звучит их глас негромкий
В назидание потомкам,
Пусть поддержат сей почин
И студент, и высший чин!

(Фрагмент шутливой поэмы-стихопротокола “Конференция”, написанной В.В.Ульяновым в январе 1993 года.)

Виктор Моисеевич Цукерник

Настоящие ученые – люди наиболее критично, независимо и свободно мыслящие.

С.Э.Фриш

Мой рассказ о Викторе Моисеевиче – это попытка воспроизвести несколько встреч с ним. У нас не было непрерывного общения.

Постараюсь излагать в хронологическом порядке.

Первые впечатления

Еще в студенческие годы мне было известно, что среди окружавших Илью Михайловича Лифшица теоретиков есть Виктор Моисеевич Цукерник, которого многие называли по существующему у нас и за границей обычаю сокращенно – Цук. Этот человек часто бывал на традиционных семинарах теоретиков в Доме ученых, но мне никогда не приходилось общаться с ним. Он был известен как крупный специалист в области теории магнетизма, человек остроумный, общительный, полный юмора.

В.М.Цукерник

Пожалуй, впервые я увидел его в деле, когда, проходя по коридору физического корпуса Университета, услышал сквозь полуоткрытую дверь большой аудитории 6-38 чем-то привлекший меня голос лектора. На небольшом подиуме, возле широкой доски с большой экспрессией произносил волшебные теорфизические слова Виктор Моисеевич. То была лекция для студентов мехмата. Завороженный, я стоял в восхищении. Слушал бы и слушал, но было неловко подслушивать. Однако то впечатление сохранилось навсегда. Об этом случае я потом как-то рассказал, когда, кажется, обсуждался на кафедре вопрос о присвоении Виктору Моисеевичу звания профессора.

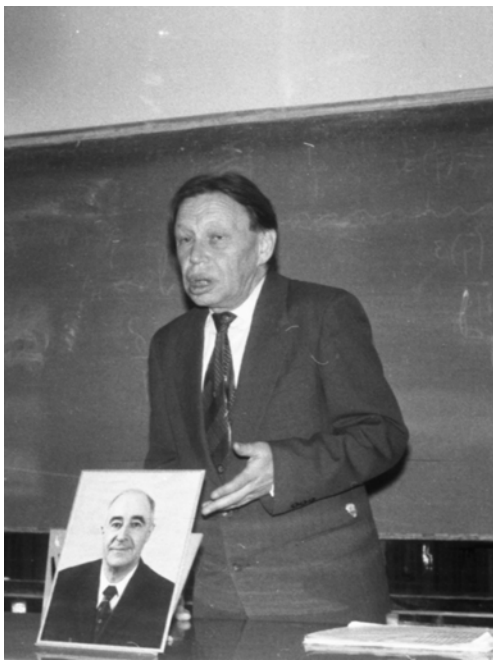
Метаморфозы

В середине 70-х мы с сыном увлеклись собиранием почтовых марок, вступили в общество, ходили на собрания филателистов, проходившие в Кубе связи. Как-то на кафедре зашел об этом разговор в присутствии

Виктора Моисеевича, который категорически высказался: “Мне бы ваши заботы!” Но судьбе было угодно, чтобы уже через несколько лет Виктор Моисеевич сам превратился в заядлого филателиста.

Сотрудничество

Мне посчастливилось участвовать в совместной научной работе с Виктором Моисеевичем (а также О.Б.Заславским), который приобщил меня к безграничному миру спиновых систем. Это было в самом начале 80-х. Остались приятные воспоминания об интенсивном творческом общении, которое вылилось в статью и привело к обнаружению совершенно необычного явления, послужив началом серии работ по новому направлению в квантовой теории, которое потом получило название “квазиточнорешаемые модели”.



В.М.Цукерник на семинаре памяти И.М.Лифшица 13 января 1987 года

Солитоника

Однажды я попал на семинар Арнольда Марковича Косевича с участием Виктора Моисеевича. Речь шла о солитонах определенного типа. Виктор Моисеевич принимал активное участие в дискуссии, что послужило для меня стимулом заняться теорией солитонов, о которых у меня к тому времени имелось весьма смутное представление. Таким образом, Виктору Моисеевичу я фактически обязан своим теорфизическим увлечением причудливым солитонным многообразием. Добавлю, что Виктор Моисеевич охотно согласился стать одним из рецензентов моей книги “Методы квантовой кинетики”, куда вошел и фактически инспирированный им небольшой раздел о солитонах.

Соучастник

Виктор Моисеевич всегда с готовностью принимал участие во всех неформальных акциях кафедры. Так, 26 июня 1984 года, когда отмечалось мое 50-летие, Виктор Моисеевич был у меня дома вместе в молодыми и

среднего возраста сотрудниками кафедры, о чем остались свидетельства в виде прилагаемых фотографий. Он очень органично вошел в нашу смешанную компанию, включая застолье.

2 апреля 1988 года состоялся первый День кафедры теоретической физики – шутливый первоапрельский праздник с участием преподавателей и студентов. На нем, в частности, выступили некоторые маститые теоретики с воспоминаниями о своей студенческой молодости. С большим подъемом рассказывал о том прекрасном времени и Виктор Моисеевич. К счастью, тогда велась магнитофонная запись, так что есть возможность услышать его эмоциональную речь, а здесь привести ее текст в явном виде, правда, с неизбежной потерей всех прелестей непосредственного восприятия. Сохранилась также запись еще одного выступления Виктора Моисеевича – на семинаре памяти Ильи Михайловича Лифшица 13 января 1987 года.

Последние контакты

Побывать в гостях у Виктора Моисеевича мне удалось только однажды, да и то в связи с печальным для нас событием – отъездом Виктора Моисеевича. Знаменитый дом № 6 на улице Артема. Пятый этаж. Выносятся последние вещи из квартиры. Прощание. Казалось, навсегда. Однако проходит лишь пять лет, как неожиданно встречаю во дворе одного из домов в центре города Виктора Моисеевича с его симпатичной супругой – Галиной Васильевной Филичкиной. Как всегда веселый, оживленный, но значительно помолодевший, Виктор Моисеевич интересуется нашей жизнью, новостями. Говорили, что Виктор Моисеевич блестяще выиграл музыкальную викторину сразу же по приезде в Израиль.

В.М.Цукернику посвящена моя книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ульянов В.В. Виктор Моисеевич Цукерник. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып.7. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002.- 24 с.

Отмечу, что, как мне кажется, лучше всего о герое этих заметок свидетельствуют прилагаемые к указанной книжке документальные материалы: записи его выступлений, фотографии, статьи о нем, его автограф и другие. В частности, приведенный в конце книжки список некоторых работ Виктора Моисеевича дает в какой-то мере представление о широте его научных интересов и круге его учеников и коллег-соавторов.

Валентин Григорьевич Песчанский

То строится науки зданье,
Стремящейся сквозь факты в даль познанья.
Э.Верхарн

Знакомство

На 5-м курсе Илья Михайлович Лифшиц читал нам лекции по квантовой статистике. Часть материала предлагалась в виде докладов, которые студенты должны были самостоятельно подготовить. Помню, что мне достались две темы: случай ферми-операторов в методе вторичного квантования и эффект де Гааза-ван Альфена при произвольном законе дисперсии (по ЕГО работе с Арнольдом Марковичем Косевичем). В те времена учебников фактически не было, кроме курса Ландау и Лифшица, так что приходилось многое самостоятельно прорабатывать. Разбирать же статью из ЖЭТФа было совсем сложно. ОН посоветовал мне обратиться за консультацией к ЕГО аспиранту. Этот аспирант жил в общежитии на улице Артёма, 49.

В.Г.Песчанский

Вот при каких обстоятельствах мне посчастливилось познакомиться с Валентином Григорьевичем Песчанским, который очень дружелюбно принял меня в маленькой комнатке, где жили вместе с ним еще, кажется, двое или трое аспирантов. Хотя Валентин Григорьевич был гораздо старше меня (в те времена разница в несколько лет представлялась мне огромной дистанцией), он сразу же сумел заставить меня быть с ним на "ты". С тех пор он всегда опекал меня и давал дружеские советы и напутствия.

Так Илья Михайлович прививал нам навыки самостоятельной работы, приучал к преодолению стеснения при выступлениях перед аудиторией с научным сообщением, развивал сотрудничество между своими учениками. Это были элементы формирования научной школы.

Опекун

Насколько я помню, осенью 1960 года, когда меня приняли в члены кафедры теоретической физики, преподавателями в ее составе были: Илья Михайлович Лифшиц, Леонид Степанович Гулида, Лев Элеазарович Паргаманик, Моисей Исаакович Каганов, Валентин Григорьевич Песчанский и я.

В первые годы моей работы на кафедре Валентин Григорьевич опекал меня, советовал, помогал, направлял. Передал мне читать свой курс квантовой механики на вечернем отделении. Мы с ним совместно руководили педагогической практикой студентов-теоретиков в школе. Он приобщал меня к разным видам деятельности преподавателя кафедры. Ввел меня в курс работы на заочном отделении. Познакомил с инспекторшей, представив меня ей. Отдал мне чтение лекций заочникам.

В.Г.Песчанский

Преподаватель

На раннем этапе преподавания это был строгий лектор. Валентин Григорьевич нещадно гонял нерадивых студентов, ставил много двоек. Он и меня старался убедить, что только таким способом можно добиться каких-то результатов от этих бездельников, хотя у меня было иное мнение на сей счет. С годами его отношение к студентам изменилось. Он стал гораздо мягче и снисходительнее к слабостям своих учеников.

Последние годы его дипломниками и аспирантами являлись в основном иностранцы. Причем под свою опеку он соглашается брать даже достаточно слабых студентов.

Личность

Будучи выдающимся ученым, Валентин Григорьевич – талантливый рассказчик, хранитель многих событий прошлого. Спокойный, уравновешенный, слегка ироничный, он всегда любит вспоминать былые годы и рассказывать о любопытных случаях, сидя на нашем стареньком

диване в центре кафедральной комнаты. Знает много занятных историй. Юмор пронизывает его повествование, легкая усмешка озаряет лицо.

В.Г.Песчанский с аспиранткой Т.В.Емельяновой

Валентин Григорьевич имеет широчайший круг знакомых. Среди его увлечений мне известны шахматы, а его кумиром, насколько я помню, был Виктор Корчной.

Одно время я часто встречал Валентина Григорьевича и на еженедельных собраниях филателистов, которые проходили в Клубе связи.

Тесные контакты

Единственный раз мне довелось побывать в гостях у Валентина Григорьевича, когда отмечалось его 50-летие в сентябре 1981 года. Я был представлен его милой супруге Алисе Григорьевне, чей приветливый голос потом часто слышал по телефону, когда приходилось звонить Валентину Григорьевичу домой по разным кафедральным делам.

Совсем недавно мы с Валентином Григорьевичем издали книжку о нашем замечательном учителе и наставнике Леониде Степановиче Гулиде.

В.Г.Песчанскому посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Валентин Григорьевич Песчанский. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 8. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. – 36 с.

О герое этих заметок многое можно почерпнуть из прилагаемых к этой книжке документальных материалов: фотографий, фрагментов его статей и статей о нем, его автографов и других. Приведенный в конце книжки список основных трудов Валентина Григорьевича, любезно составленный им, дает представление о широте его научных интересов, а также о тех, с кем он сотрудничал. Цель данного сборника, как и других книжек этой серии, – вспомнить о тех ученых-физиках, которые работали преподавателями на физическом факультете и, в частности, на нашей кафедре теоретической физики, и дать возможность новым поколениям ближе познакомиться с теми, кто отдал лучшие годы своей жизни служению Науке и нашему Университету.

P.S.

Валентин Григорьевич любезно предоставил мне свой фотоальбом выпускника физмата юбилейного 1955 года – года 150-летия нашего Университета. Оказалось, что его сокурсниками были такие знакомые мне физики и математики, как В.В.Еременко, И.С.Житомирский, М.Забара, Б.В.Кондратьев, А.И.Ландау, В.Г.Манжелий, К.В.Маслов, Ф.С.Рофе-Бекетов, А.Н.Рязанов.

Еще одна любопытная находка: в альбоме встречаю знакомое лицо – С.К.Комаревский! Если В.Г.Песчанский был моим опекуном на кафедре, то этот симпатичный человек был моим опекуном по спортивной части. Он был капитаном нашей волейбольной команды и очень тепло отнесся ко мне, когда я появился на первом курсе в достаточно суровой университетской спортивной среде. Я был нападающим в четвертом номере, а Сережа, будучи небольшого роста, в третьем номере набрасывал мне мячи.

Когда я поступил в Университет, то считал, что моя волейбольная карьера уже на исходе, однако записался в секцию волейбола, чтобы не ходить на занятия по физкультуре. Но Сережа вдохновил меня, и мы неплохо сыгрались и удачно выступали, в связи с чем меня перевели в команду рангом выше, однако я вскоре бросил волейбол и связь с Сережей потерял. Пользуюсь случаем выразить ему запоздалую сердечную благодарность за теплое отношение и морально-спортивную поддержку.

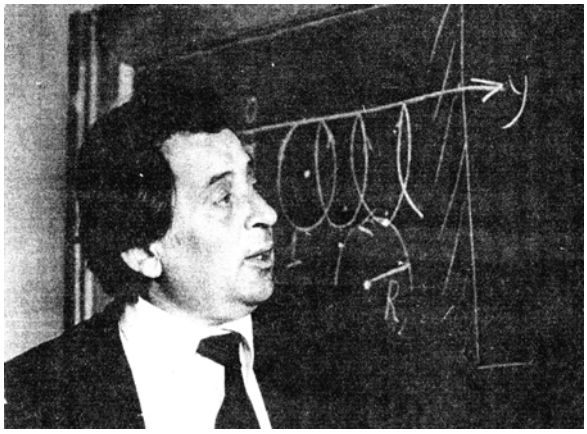
Эмануил Айзикович Канер

Наука – это то, что изучает нечто совсем новое, неведомое, что ведет к расширению познания человечеством окружающего мира.
С.Э.Фриш

В МГУ

Пожалуй, первый раз мне довелось увидеть в действии Эмануила Айзиковича на конференции. В Москве проходило очередное Всесоюзное совещание по физике низких температур. От Харькова поехала большая делегация. По настоянию Ильи Михайловича Лифшица разрешена была командировка и мне. Впервые удалось побывать в главном корпусе МГУ и в физическом корпусе, послушать доклады в физической аудитории.

Поражало великолепие, масштабы, интересные стенные газеты физиков с серьезными и шутливыми заметками. Можно было живьем наблюдать знаменитостей, о которых я знал лишь по статьям в журналах, окунуться в ритм жизни физической конференции. Это оказывало чрезвычайно ободряющее воздействие, вселяло надежды и уверенность в правильности выбранного поприща. Запомнились деловитый Н.Е.Алексеевский и молодой А.А.Абрикосов. Здесь я слушал яркий, одухотворенный, эмоциональный, насыщенный доклад Э.А.Канера, который произвел на меня неизгладимое впечатление.



Э.А.Канер

Отклик

Самые лестные восторженные отзывы о Канере как о научном руководителе я услышал от своего бывшего дипломника Александра Яковлевича Бланка, который после окончания Университета работал в отделе Эмануила Айзиковича в ИРЭ.

Беседа

Непосредственный деловой контакт с Канером у меня случился лишь однажды, когда мы с ним сидели на последней парте в Новой физической аудитории (ныне носящей имя К.Д.Синельникова) и разговаривали на сугубо теорфизическую тему. Это произошло в связи с согласованием

материала наших спецкурсов (по теории металлов – у Канера и по квантовой статистике – у меня). Я был в очередной раз очарован обаянием этого человека, тонко чувствующего как предмет обсуждения, так и собеседника.

Однажды вечером

Еще был один случай. Как-то я возвращался домой по Сумской. И вдруг на участке от Бассейной до Каразина мне встретилась пара оживленных молодых людей. Я уж было прошел мимо, не опознав в сумерках знакомого, но Эмануил Айзикович первым окликнул меня, тепло поприветствовал и представил с какими-то комплиментами своей спутнице. Было довольно темно, но я успел разглядеть прелестное молодое лицо этой очаровательной женщины – супруги Эмануила Айзиковича Ирины Яковлевны Фуголь.

Э.А.Канер

Наблюдение

Я был невольным свидетелем длительного разговора Канера с моим бывшим замечательным студентом Валерием Ямпольским. Дело было на кафедре. С ними был один мужчина постарше, который, как я понял, организовал эту встречу, следствием которой было устройство Валеры на работу в отдел Канера.

В результате мы имеем удовольствие сотрудничать на кафедре с обаятельным человеком и прекрасным лектором профессором Валерием Александровичем Ямпольским – учеником и продолжателем дела Канера как в ИРЭ, так и на кафедре.

Протест

Нельзя не упомянуть еще об одном важном эпизоде, ярко характеризующем Канера. Дело было в начале 80-х годов, когда по Университету прокатилась волна сокращений совместителей, точнее, перевод большинства из них с полставки на четвертушку. Это вызвало большое беспокойство на кафедрах. Мы обращались к нашим уважаемым профессорам-совместителям с просьбой поддержать наш протест против этих неразумных мер, приводящих к еще большему отторжению крупных

ученых от воспитания молодых научных кадров и нарушению тесного контакта кафедр с ведущими академическими институтами города. Многие из наших старших коллег откликнулись на это и собрались в кабинете главного проректора для обсуждения создавшейся ситуации.

Канер взял на себя инициативу жесткого разговора с представителем администрации. Очень веско и эмоционально он обрисовал возможные последствия столь непродуманного шага со стороны Университета. В результате были получены заверения, что при малейшей возможности будет восстановлено status quo. Увы, эти обещания до сих пор так и не выполнены, а наметившаяся еще в те годы тенденция ослабления связей с научными учреждениями сохраняется.

Э.А.Канер

Наставления

Наконец, запомнилась сценка тоже на кафедре, когда Канер дружески советовал нам с Александром Михайловичем Ермолаевым не тянуть с оформлением и защитой наших докторских диссертаций. Мы стояли перед ним, несколько смущенные, а он все уговаривал нас, находя убедительные конкретные доводы.

Э.А.Канеру посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Эмануил Айзикович Канер. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 9. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. – 24 с.

Александр Ильич Ахиезер

Чтобы быть хорошим педагогом, надо быть ученым, философом, артистом, воспитателем и Человеком.
А.П.Минаков

Изумительный лектор

Александр Ильич читал нашему курсу электродинамику. Излагал он прекрасно, вдохновенно, потрясающе. Ничего подобного никогда не приходилось наблюдать. Это был выдающийся мастер, лектор высочайшего класса.

А.И.Ахиезер

Особенно поражало его умение при выписывании формул приговаривать что-то по ходу. У него хватало энергии на два часа непрерывной речи. Другие лекторы делали передышки: когда писалась формула, они замолкали, горло отдыхало. Не таким был Александр Ильич. Все, о чем он говорил, было пронизано страстью. Казалось бы, человек рассказывает элементарные для себя вещи, рассказывает не в первый раз, но ничего не было от пресыщенности или усталости. Все шло на одном дыхании, от лектора исходил мощный теорфизический энтузиазм. Результаты красочно обожествлялись. По ходу изложения рассказывались интересные истории и анекдоты к месту. Это был спектакль наивысшего мастерства. Строгость изложения и сложность материала сочетались с живостью и красотой рассказа.

На его чудесные лекции приходили и посторонние студенты. Его слушали с живейшим интересом даже наши сокурсники-математики. Говорили, что предшественникам нашим он с не меньшим энтузиазмом читал квантовую механику. Особую прелесть всему происходившему придавало то, что он был одновременно и крупнейшим ученым, одним из первых учеников Ландау.

Передать своеобразие манеры Александра Ильича невозможно. Цельное восприятие не разлагается на составляющие, но какие-то отдельные особенности, кажется, можно попытаться вычленить.

Это весьма своеобразный теорфизический юмор с вплетением житейских сентенций и ироничным обыгрыванием бюрократических формулировок. Смена ритма. Апелляция к аудитории без заигрывания.

Вот, поправляя одной рукой очки на переносице, он с лукавым выражением лица декларирует полушуточное резюме, подняв вверх указательный палец, с характерным акцентированием конца фразы (растягивание гласных).

Что-то вроде (выплывает и тут же ускользает из памяти): "Хитрость тут такая", "Получается такое руководящее указание", "Как сказал товарищ (Ньютон, Максвелл, Архимед...)", "Что получаем? Правильно", "Товарищ правильно подсказывает".

Пожалуй, это самое яркое воспоминание из нашей студенческой жизни. Уверен, что такого же мнения и мои коллеги по курсу.

Как жаль, что в те времена еще не было портативных магнитофонов и не осталось вещественных свидетельств изумительного действа.

Первая публикация

После защиты моей дипломной работы, выполненной под руководством Льва Элеазаровича Паргаманика, было решено, что ее после некоторой доделки можно опубликовать. Однако прошло еще полгода до написания статьи в ЖЭТФ. Наконец, в январе или феврале 1958 года мы пошли показывать рукопись Александру Ильичу Ахиезеру.

Там мы застали Сергея Владимировича Пелетминского и Виктора Григорьевича Барьяхтара, помогавших своему учителю в подготовке к новому изданию книги "Квантовая электродинамика".

Впервые предстояло увидеть нашего студенческого кумира в домашней обстановке. И вот он вошел в комнату, тепло поздоровался и усадил нас на диван, все такой же энергичный и экспрессивный. Внимательно выслушав Льва Элеазаровича, который считал себя учеником Александра Ильича, и просмотрев рукопись, он сказал что-то ободряюще-напутствующее. Поблагодарив его, мы удалились, добавив в конце статьи слова признательности: "Авторы выражают благодарность А.И.Ахиезеру за обсуждение результатов настоящей работы". Через полгода она была напечатана.

На семинаре

Илья Михайлович Лифшиц руководил городским семинаром физиков-теоретиков, который проходил в большом зале Дома ученых по пятницам с 10 часов утра. В семинарах участвовали теоретики разных направлений. Это единство формировало то, что получило название

Харьковской школы теоретической физики, начало которой было положено Л.Д.Ландау в довоенные годы. Два лидера – И.М.Лифшиц и А.И.Ахиезер – всегда демонстрировали дружеские взаимоотношения. У каждого из них сложилась своя школа, но соперничества мы не чувствовали.

Дифракция

Недавно мой сокурсник Анатолий Иванович Шарапов рассказал об интересном эпизоде:

“Вспомнил я одну историю, связанную с замечательным человеком – Александром Ильичем Ахиезером. Он был для меня преподавателем, учителем. Мы слушали его лекции по электродинамике, а позже мне довелось вести за ним решение задач, и я посещал его лекции с удовольствием. Для меня это были открытия не только в области науки, но прежде всего в смысле изложения материала.

Помнится лекция, которая была посвящена дифракции. Александр Ильич вошел, как всегда, бодро, взошел на кафедру и говорит:

– Сегодня я прочту вам лекцию о дифракции. Вы меня видите?

А.И.Ахиезер

Мы кричим:

– Да!

– А слышите?

Студенты отвечают:

– Да!

– А теперь? – Александр Ильич присел за трибуной, и его не стало видно. – А теперь вы меня видите?

– Нет!

– А слышите?

– Да!

– Вот это и есть дифракция.

Подобного изложения по ясности мне не приходилось слышать”.

А.И.Ахиезеру посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

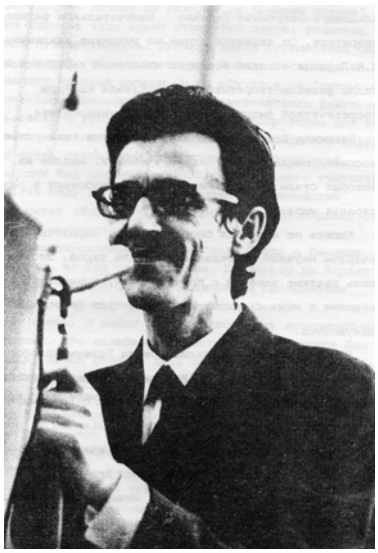
Ермолаев А.М., Степановский Ю.П., Ульянов В.В. Александр Ильич Ахиезер. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 10. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. – 28 с.

Владимир Петрович Галайко

Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь – ты все познать желал.
Н.А.Некрасов

Тезки

Моя первая встреча с Володей Галайко произошла на верхнем этаже только что построенного крыла нового здания Университета, выходившего к Госпрому. В небольшой комнате там работали проектировщики. Среди них была одна симпатичная молодая сотрудница, которая привлекла наше с Володей внимание. Вот при таких обстоятельствах с неким заигрыванием и якобы соперничеством мы и познакомились с ним. Видимо, это было осенью 1956 года, когда мы учились: Володя на 4-м курсе, а я на 5-м.



В.П.Галайко

Приветливый, общительный, отзывчивый, обаятельный, оживленный, худощавый, стройный, воспитанный, остроумный, – таким мне показался мой новый знакомый коллега. С быстрой реакцией и четкой речью. Любознательный, начитанный. Первое впечатление впоследствии только подтверждалось и укреплялось.

Стажировка

Следующий наш контакт был после возвращения Володи из Штатов после годичной стажировки. Он остался доволен. Рассказывал, что привез много книг. До этого мне предлагали подобную командировку, однако я сразу же отказался, о чем никогда не сожалел.

На кафедре

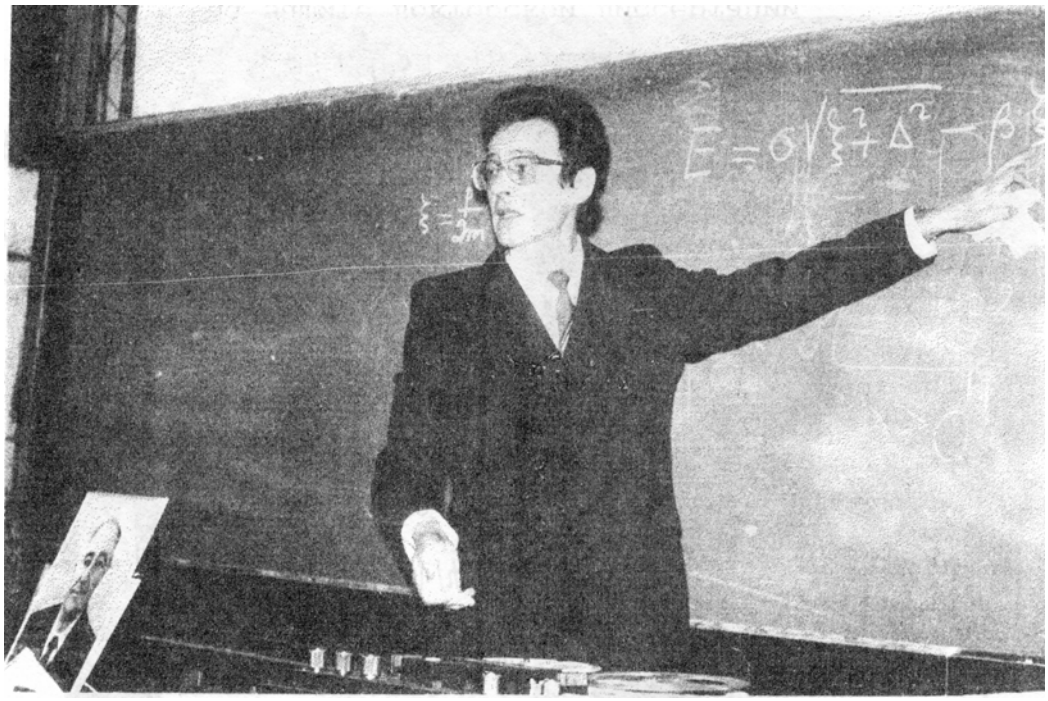
Володя был оставлен на нашей кафедре теоретической физики после окончания аспирантуры, с осени 1961 года. К сожалению, у нас он проработал не очень долго. Он тесно общался с Валентином Григорьевичем Песчанским. Вскоре они перешли работать к Борису Иеремиевичу Веркину во ФТИНТ. Новый институт, созданный Веркиным, мог обеспечить сносную жизнь молодым сотрудникам. Вполне естественно, что из Университета ушли туда многие, как физики, так и математики.

Охмадет

Еще одна линия общения – жена Володи Тамара Александровна работала врачом в специализированной детской поликлинике на улице Гиршмана, в полуподвальном помещении большого дома с полукруглым двором. Я как-то сопровождал своего маленького сынишку на консультацию к очень симпатичной молодой врачихе, о которой узнал от жены, что это супруга Володи. Возле кабинета врача на ожидающих в очереди смотрели со стен портреты знаменитых специалистов-медиков разных поколений. Она оказалась очень приветливой и внимательной, как и ее супруг.

Отзыв

Очередная наша встреча произошла, когда Володя взялся написать отзыв ведущей организации, которой был ФТИНТ, о моей диссертации. Он говорил мне, что любит, чтобы писались такие документы не сразу, а мысли должны отстояться, набросанный черновик должен отлежаться, чтобы затем быть доведенным до ума.



В.П.Галайко на семинаре памяти И.М.Лифшица
13 января 1987 года

Конец октября 1982 года

Перед глазами стоит еще одна картинка, связанная с Володей. После похорон Ильи Михайловича Лифшица осенью 1982 года, многие харьковчане возвращались домой одним и тем же поездом. В Харькове на вокзале я увидел Веркина, Песчанского и Галайко. Проходя на некотором расстоянии, я наблюдал, как они деловито загружали багажник автомашины, возились, переговариваясь. Это очень напоминало семейную сцену. Борис Иеремиевич, видимо, очень тепло относился к этим своим более молодым сотрудникам.

Последняя встреча

Это произошло на защите докторской диссертации М.М.Богдана в октябре 2001 года во ФТИНТе, где я был одним из оппонентов. Володя очень тепло приветствовал меня. Выглядел он больным, но, как всегда, был оживленным, скороговоркой что-то приятное высказал.

Через год его не стало.

С Валентином Григорьевичем Песчанским мы договорились вместе написать о Володе небольшую книжечку в серии воспоминаний об ученых-физиках, работавших на нашей кафедре и на физическом факультете.

Из этой книжки взят данный фрагмент воспоминаний, в ней имеются также некоторые дополнительные материалы:

Песчанский В.Г., Ульянов В.В. Владимир Петрович Галайко. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 12. - Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003.- 24 с.

Эти короткие заметки я посвящаю памяти нашего замечательного коллеги.

Игорь Иванович Фалько

Веселость нрава – превосходное и очень полезное качество для повседневной жизни.
С.Смайлс

Знакомство

Большую роль в моей судьбе сыграл Игорь Иванович Фалько. Его живой, импульсивный, веселый нрав всегда действовал на меня побуждающе. Оптимист по натуре, он индуцировал активность в других. По крайней мере, на меня он всегда оказывал именно такое воздействие.

И.И.Фалько

Познакомились мы с ним, когда он поступил в аспирантуру к Илье Михайловичу Лифшицу и попросил у меня программу кандидатского теорминимума. Игорь (Иванович) был чрезвычайно общительным. С первой же встречи он держал себя так, словно мы были близко с ним знакомы.

Один из первых наших контактов, когда он кое-что рассказал о себе, произошел в очереди за подпиской на почте, находившейся в самом начале улицы Артема.

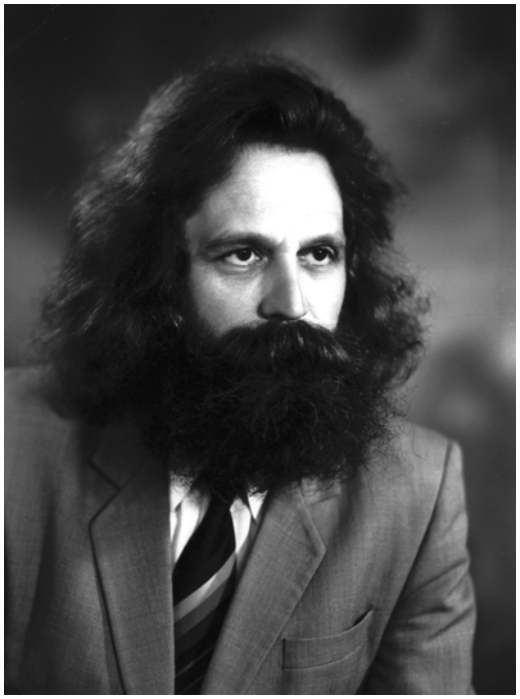
К концу 50-х годов появилась возможность выписывать периодику социалистических стран. Особой популярностью пользовались польские журналы: “Szpilki”, “Przekrój”, “Dookoła świata”, “Film”, “Kobieta i życie”. В газетных киосках их практически невозможно было купить. Как-то я встретил своего одноклассника, который имел уже опыт подписки на подобные издания. Он и порекомендовал мне конкретные названия журналов. В течение нескольких лет я регулярно их выписывал и сохранял полные комплекты, но при переезде на новую квартиру все выбросил, кроме нескольких обложек на память. Написав эти строки, я взял их с полки: это журналы от 1958 до 1962 года.

Купив польско-русский словарь, я прочитывал эти журналы от корки до корки. Вскоре я уже свободно читал по-польски. Тут уместно заметить, что моя прабабушка по маминой линии Констанция Рафаиловна Терлецкая была полькой. Кстати, как-то в одной из телепередач показывали генеалогическое древо Пушкиных, где есть ветвь Гоголя. Наши родственники по маминой линии также связаны с семьей Гоголей:

племянница была замужем за внуком сестры Н.В.Гоголя Ольги Васильевны.

Деканство

Но вернемся к Игорю Ивановичу. После стажировки в Штатах у Джона Бардина и защиты кандидатской диссертации, он работал на кафедре экспериментальной физики Владимира Игнатьевича Хоткевича во главе группы теоретиков, куда входили Александр Михайлович Ермолаев, Владимир Иванович Хохлов, Александр Дмитриевич Сердюк, а позднее и аспирант Игоря Ивановича Владимир Михайлович Гвоздиков. В уютной комнатке на 6-м этаже, где работала эта группа, мне выпало посидеть пару раз на диване, который впоследствии перекочевал на нашу кафедру.



И.И.Фалько

В 1973 году Игорь Иванович стал заведующим нашей кафедрой и одновременно деканом физического факультета. Ожидалось, что, став начальником, он постарается что-то сделать для своей кафедры. Обычно высокие чиновники стремились использовать свое служебное положение. Так, при каждом ректоре начинал "процветать" соответствующий факультет. Это даже считалось естественным. Но не таков был Игорь Иванович. Он, видимо, считал это нечестной игрой и никогда свою подопечную кафедру не ставил в привилегированное положение. Даже старался везде помещать ее, т. е. как бы себя, на последнее место. Это было благородно. Мы это ценили, хотя и сожалели. Увы, другие этого не понимали.

Драма

Игорь Иванович чем-то не угодил высоким университетским чинам, и его сняли с поста декана в 1977 году, а затем и с должности заведующего кафедрой. Кафедру же еще долго по инерции помещали на последнее место в разных списках и т. п.

В весеннем семестре 77-го года мне выпало заменять Игоря Ивановича на посту заведующего кафедрой, когда он ушел на стажировку. Для меня это была полезная школа подготовки к будущей самостоятельной работе в этом качестве. Только обидно было выслушивать со стороны разных лиц вне кафедры жалобы на Игоря Ивановича, поскольку мне довелось наблюдать его в деле, когда он начинал работать деканом. Все вопросы он решал быстро, оперативно, четко. Мгновенно реагировал на обращения и просьбы. Был хорошо знаком и с разного рода начальниками, и с людьми вне университета. Казалось, он создан для подобной руководящей работы, будучи любимцем начальства. Все делалось им радостно, с неизменной дружеской улыбкой. Его любили студенты. Успешно защищались его аспиранты. Вот-вот он должен был защитить докторскую диссертацию.

Какая-то драма стояла за событиями, развернувшимися впоследствии. Начались гонения на Игоря Ивановича. Он вдруг стал неугоден кому-то. Мы не знали причин и деталей, но тяжко было видеть, как съедают талантливого руководителя, кому-то в чем-то не угодившего и гордо ушедшего после этого из Университета.

На кафедре

В моей памяти он остался яркой личностью. Его обаяние производило на многих неизгладимое впечатление. При нем на кафедре появилась лаборантка – пенсионерка Валентина Ивановна, работавшая ранее в деканате физфака. В те времена пенсионерам разрешалось, кажется, работать два месяца в году.

Валентина Ивановна привела в порядок кафедральную документацию, рассортировав все по папкам, число которых превысило 50. Все они были аккуратно подписаны в соответствии с имевшимися инструкциями по делопроизводству. В дальнейшем они нас часто выручали при разных проверках. До сих пор в некоторых папках сохраняются бумаги, написанные рукою Игоря Ивановича.

При Игоре Ивановиче на кафедре начали складываться новые взаимоотношения. Мы всегда в нем видели коллегу и товарища, а не начальника. К сожалению, возглавляя факультет, Игорь Иванович основное время проводил в своем деканском кабинете, а на кафедре его представлял портфель, стоявший на столе у окна.

В доме Палатника

Игорь Иванович самоотверженно спасал своего знаменитого тестя Льва Самойловича Палатника во время тяжелой болезни последнего. Когда-то Игорь Иванович познакомил меня со своим маленьким прелестным сыном Вовочкой, вместе с которым мы лежали в больнице на улице Гуданова по поводу удаления гланд.

Очаровательную супругу Игоря Ивановича – Валентину Львовну – я помню еще студенткой, когда шли жаркие дискуссии физиков о свободном посещении лекций в одной из больших аудиторий только что отстроенного нового здания нашего Университета.

Мой сын Коля, который раза два побывал дома у Фалько, очень тепло отзывался о гостеприимстве хозяев. Его поразила замечательная квартира Палатников-Фалько, как за двадцать лет до этого и меня...

Несколько раз Игорь Иванович бывал у меня дома. Помню, как восторженно описывал Игорь Иванович свои впечатления о концерте Высоцкого, который, кажется, незадолго до смерти выступал в Харькове. Встреча с Игорем Ивановичем всегда доставляла мне радость. Неизменно оживленный, он весело приветствовал меня, как и в былые времена, вселяя оптимизм и бодрость.

Случай на юбилее

26 июня 1984 года Игорь Иванович был у нас дома на праздновании моего 50-летия. Он пришел раньше всех, и мы вместе с ним наблюдали с балкона, как накапливались у подъезда гости – члены кафедры. Наконец, все собрались и двинулись внутрь дома. Мы с Игорем Ивановичем вышли на площадку встречать, однако движения лифта не было слышно. Минуты шли, а никто не появился. Через некоторое время мы спустились вниз по лестнице и обнаружили пропавших: 11 гостей уже на первом этаже застряли в лифте, который был рассчитан всего на 6 человек.

И.И.Фалько

Наши жалкие попытки вызволить коллег ни к чему не привели. И тут Игорь Иванович проявил свои организаторские способности: он сбегал куда-то и вызвал спасательную команду лифтеров. Банкет начался с опозданием на часполтора, но зато этого времени как раз хватило

моей жене Инночке, чтобы полностью завершить все хозяйственные настольные приготовления. Этот эпизод подействовал на всех стимулирующе.

И.И.Фалько 26 июня 1984 года

Празднование прошло весьма успешно.

Украшением стола был и сам Игорь Иванович: его необычный имидж, запечатленный Олегом Ивановичем Любимовым на многих кадрах, позднее всегда ассоциировался в наших воспоминаниях с казусом в лифте и с веселым застольем.

P.S.

К нашему сожалению, супруги Фалько теперь живут в Германии.

Весной 2002 года мой одноклассник и близкий друг Виктор Евгеньевич Рубанович – известный поэт-пародист – также уехал навсегда с семьей в Германию, в Лейпциг. В своем письме он описывает свои первые впечатления о жизни в этой стране, очень напоминающие то, что сообщали супруги Фалько в своих посланиях друзьям, которые зачитывал на нашей кафедре Александр Михайлович Ермолаев.

Мы с сыном Колей решили уточнить по карте, где же пребывают сейчас Фалько. Оказывается, город Вупперталь находится в тесном окружении известных крупных центров на западе Германии: Дюссельдорфа, Эссена, Кельна, Дортмунда.

Все мы желаем им счастливой жизни на новом месте!

И пусть милые супруги Фалько не забывают своих друзей в Харькове и на нашей кафедре!

И.И.Фалько посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть дополнительные материалы:

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Игорь Иванович Фалько. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 13. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. – 32 с.

Александр Михайлович Ермолаев

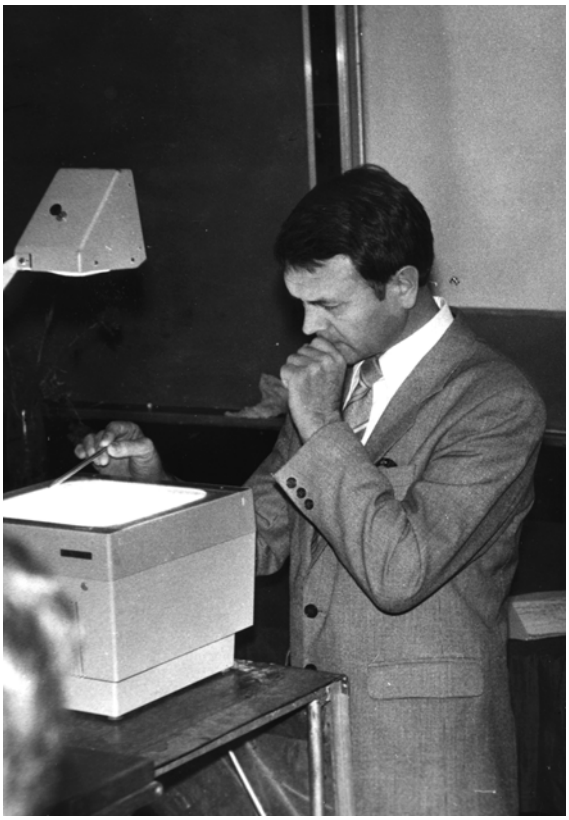
Раньше людей Ермолай просыпается,
Позже людей с полосы возвращается.
Н.А.Некрасов

Даже если человек одарен от природы, он обязан все время работать над собой и совершенствоваться. Чувства успокоенности и удовлетворения должны быть неведомы ему.
Дж.Х.Чейз

Преемник

Моя шутливая баллада о Ермолаеве (см. Приложение на CD) в сжатой форме описывает фактически всю жизнь Александра Михайловича, хотя там нет последних десяти лет нашего героя. Именно об этом периоде и хочется кое-что добавить.

Очень приятно сознавать, что заведование нашей кафедрой мне выпало передать в надежные руки Александра Михайловича. Его человеческие качества нельзя переоценить. Они проявляются повседневно. За истекшие годы со времени нашего знакомства впечатления мои о нем не потускнели, а обрели новые краски.



А.М.Ермолаев на конференции

Напарник

Добавлю, что в конце 2001 года у нас с Ермолаевым возник проект – мы решили издать серию воспоминаний об ученых-физиках, работавших на кафедре и бывших нашими старшими коллегами и учителями.

Каждый, кому приходилось участвовать в совместных творческих работах, знает, что далеко не всегда складываются благоприятные отношения между соавторами. Могу сказать, что с Александром Михайловичем приятно иметь дело и при подготовке общих публикаций. Он никогда не капризничает, легко идет на компромиссные решения, всегда дружески настроен на плодотворное сотрудничество. Упомяну еще ряд его качеств – оперативность, исполнительность,

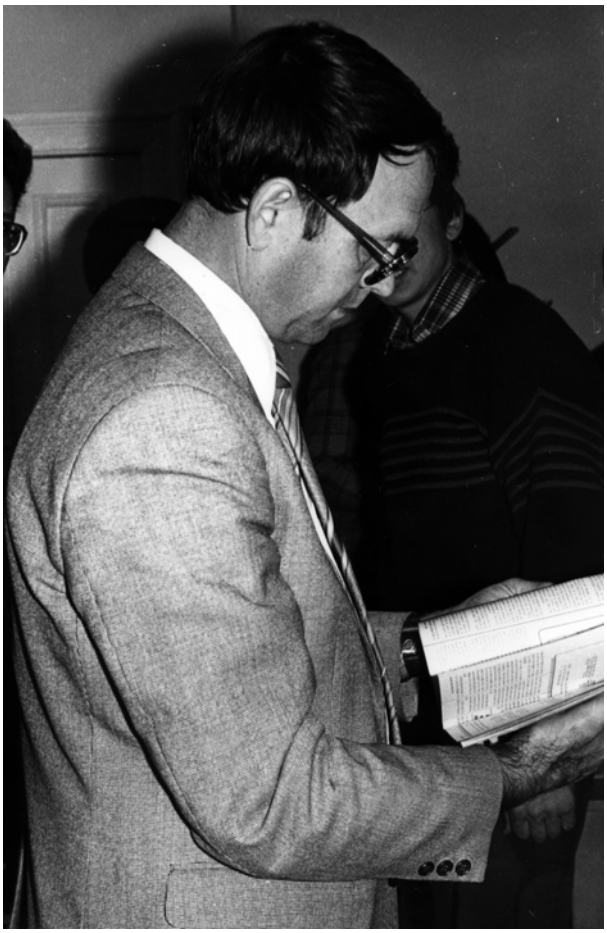
благожелательность, ответственность, обязательность. И все это в сочетании с безграничным трудолюбием!

Появилась возможность сказать о человеке доброе, и мне хочется ею воспользоваться, хотя А.М. всячески противится, чтобы ему посвящался отдельный выпуск в нашей серии.

Благодарю Георгия Ильича Рашбу за согласие поведать о своем учителе и наставнике, преодолев тем самым вето, наложенное Александром Михайловичем.

С Надеждой

Отдельные слова – о супруге Александра Михайловиче – доброй, милой, симпатичной Надежде Андреевне, заботливой и приветливой, замечательной хозяйке и жене.



А.М.Ермолаев

Хотя Александра Михайловича мне посчастливилось знать без малого полстолетия, с нею он меня познакомил лишь двадцать лет назад. Хорошо помню, как именно это произошло. Приятно написать об этом.

Дело было в начале 80-х. Вечер. Огни еще не зажглись, но уже темновато. Возвращаюсь домой, погруженный в себя, не обращая внимания на встречающихся людей. И вдруг недалеко от нашего дома на Сосновой горке, куда мы только недавно переехали, из сумеречной синевы выныривает пара молодых людей – знакомый силуэт оживленного Ермолаева, влекущего куда-то молоденькую особу. Останавливаемся. Он знакомит нас. Оказывается, это и есть Надя, Надежда Андреевна, супруга. Они спешат в гости к своим друзьям Хохловым.

Через несколько лет и мы с женой побываем в гостях у гостеприимной пары Ермолаевых, где встретим еще одну замечательную женщину – маму Александра Михайловича.

Ядерная физика

Весной 1978 года мне поручили возглавить комиссию физического факультета по контролю качества чтения лекций преподавателями. Вот такие были времена! Игорь Иванович Фалько, председатель этой комиссии, передал мне на время своей стажировки эту странную общественную нагрузку. В состав комиссии входили также Клавдия Васильевна Феодосьева и Зиновий Самойлович Агранович.

Однажды я побывал на лекции, которую читал Александр Михайлович, предварительно попросив его разрешения на это. Он любезно согласился, а я получил от этого посещения удовольствие, одновременно исполнив лежавшую на мне не очень приятную обязанность судить о качестве занятий моих коллег. После лекции мы с А.М. уединились, и я высказал ему свои впечатления и замечания, как это было положено по правилам пресловутого контроля. Насколько я помню, лекция прошла хорошо, хотя знаю из личного опыта, что всякое присутствие посторонних на этом интимном акте действует обычно раздражающе. Но Ермолаеву, думаю, нечего было беспокоиться: он не мог ждать от меня каких-либо неприятностей.

Недавно, в очередной раз перебирая накопившиеся бумаги с целью выуживания ненужных, я обнаружил черновую запись-оригинал отзыва об этой лекции. Рад, что не выбросил ее ранее, как многие другие документы (о чем потом приходилось сожалеть).

Вот этот пожелтевший листочек с моими каракулями, которые сын Коля сумел разобрать и превратить в компьютерный текст, из которого я теперь стараюсь оставить главное:

23 марта 1978 года. 10.00. Большая физическая аудитория.
III курс. 85 человек. доц. А.М.Ермолаев. Ядерная физика.

1. Начало точно по звонку. Подъем доски
Поздоровался. не работает.
Часы висят неудобно.

2. Общий обзор результатов,
которые были на предыдущих
занятиях.

Объявлена тема “Радиоактивность
атомных ядер”.
Общая физическая картина ядерного распада.
Физические конкретные примеры.
Четкие рисунки на доске
Сразу же указано, где можно
почитать о радиоактивных изотопах.
Название книги написано четко на доске.
О статье Гольданского в ФЭС.
О Гольданском немного слов.
Зачитана цитата из статьи Гольданского.

3. Формулируются основные понятия теории распада.
Оценка характерных времен.
Какие ядра называются радиоактивными.

4. Понятие о радиоактивном α-распаде.
Понятие о ядерных изомерах.
Речь свободная. Студенты хорошо слушают,
записывают. Сидят спокойно.

5. Понятие об искусственной и естественной радиоактивности.
Очень хорошее замечание, что потребуется целая
страница для записи таблицы, которая будет
предложена.
Ведется запись таблицы на доске. По ходу даются
детальные пояснения физической природы процессов.

6. Об открытии радиоактивности
и победе диалектического
материализма над метафизикой.
О книге В.И.Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”.
Подробности о толковании Лениным революционных изменений
в физических представлениях о материальном мире.
В связи с изменением представлений о делимости и
неисчерпаемости материальных форм.
Умело использованы мировоззренческие элементы
и органически вошли философские замечания.
Хороший пример естественного использования идей
диалектики в учебном процессе.

7. Рекомендация книги Ю.А.Храмова “Физики” в связи
с первооткрывателями радиоактивности.

8. Основные свойства –
случайность явлений. Роль статистики. Введение вероятности распада в ед. времени. λ– постоянная распада.
9. Причины долгой жизни некоторых ядер.
Примеры сравнительного различия времен жизни.
(Прочитано на одном дыхании. Можно пожелать изменение ритма. Чем-нибудь отвлечь студентов.)
10. Очень хорошие объяснения запрета некоторых энергетически выгодных процессов в силу законов сохранения других физических характеристик.
Пояснение стабильности Вселенной.
11. Об использовании радиоактивных явлений в мирных целях и в военных. О военных тенденциях на Западе.
Об опасности использования ядерной энергии.
О надеждах на мир.

У руля

Мне хорошо знакомы все аспекты разноплановой деятельности Ермолаева на посту заведующего, которая состоит по крайней мере из шести основных видов. Попробуем описать их.

Безграничный бурный океан учебной работы – главной для всякого преподавателя (лекции и практические занятия, консультации, зачеты и экзамены, курсовики, дипломники и аспиранты), с неустроенностью организационной – плохие доски, неважный мел, слабая посещаемость, оправдываемая материальной нищетой студентов, вынужденных пропускать учебу в стремлении как-то обеспечить хотя бы свое пропитание.

С ним тесно соприкасаются моря учебно-методической работы – составление постоянно обновляемых и запрашиваемых в разные инстанции программ читаемых курсов, написание учебников, пособий, методичек и разного рода более мелких повседневных бумажек.

Живительные озера и реки воспитательной работы – формально временно забытой, но фактически всегда существующей. Особенно важной сейчас, когда СМИ откровенно воспитывают молодое поколение в духе насилия и безнравственности. Противопоставить этому можно лишь личный пример поведения.

Далее идут непросыхающие болота организационной работы, как внутри кафедры, так и во взаимодействии с факультетскими и общеуниверситетскими структурами: сводки, справки, сведения, отчеты, планы, заявки, анкеты, списки, – все это мешает главной работе, вызывает раздражение, отнимает силы и время, а затем ведь все равно пропадает, поглощаемое прожорливой бюрократической чащобой.

Все это на фоне могучей тверди материков так называемой общественной работы – неисчерпаемой деятельности, состоящей из непрерывных заседаний в разного рода советах и комиссиях, комитетах и бюро, с посещениями, содействиями и противодействиями, плюс очное и заочное рецензирование и оппонирование.

И как же после этого мечтается, что в празднично-воскресные дни, а особенно в летние каникулы, ты сможешь, наконец, окунуться в свободное воздушное пространство любимого дела, нетерпеливо ждущего тебя, давно задуманного тобою, – по собственному желанию, а не в силу необходимости, – дела, которое считаешь профессионально основным; погрузиться в чисто научную, теорфизическую работу, вроде абстрактную, но такую конкретную и кажущуюся нужной не только тебе самому; которая, может быть, не сейчас, а лишь со временем найдет применение и будет должным образом оценена последователями... Завершение в виде написания статей, а затем и книг...

Только в условиях вуза возможна такая ситуация, когда человек исполняет фактически шесть видов работы, не получая достаточного материального вознаграждения даже за одну их них. Особенно достается на долю заведующего, если он не перекладывает этот труд на других, а сам участвует в полной мере в каждом из них.

Жизнь Ермолаева протекает на моих глазах. Он очень переживает, что сейчас наступил такой ужасный период, когда наука оказалась на задворках. Особенно обидно всем нам за физику, которая вдруг стала нежеланной падчерицей у тех, от кого зависит поддержка людей, занимающихся научной деятельностью в этой области.

Разрушаются десятилетиями создававшиеся школы, кафедральные коллективы. Нищенские зарплаты вынуждают людей отправляться на заработки в забугорные страны, а некоторые в отчаянии уезжают туда насовсем. Многие молодые люди, выпускники, не видя возможности существовать на скудные средства, уходят в разные сомнительные частные структуры, теряя квалификацию.

Особенно болезненно наблюдать непонимание нашими чиновниками необходимости сохранения тесных научных связей с академическими институтами. Ермолаева все это ужасно угнетает.

Несмотря на постоянную загруженность текущими организационными делами кафедры и солидную добровольно взятую на себя учебную нагрузку, Александр Михайлович продолжает упорно трудиться в избранном научном направлении, выпускает учеников, пишет научные статьи и книги.

Характер

Чувство юмора многогранной натуре Ермолаева присуще вполне. Оно позволяет ему в самые тягостные минуты, сопряженные с непрерывными неприятностями нашей нелегкой жизни, сохранять человеческое достоинство и не поддаваться отчаянию, хотя он очень болезненно воспринимает постоянные нелепости окружающей действительности и нахлынувшую в последние годы гнусность бытия, когда страна попала в капкан мошенников, воров и бандитов и обрела шагреневый бюджет; когда с телеэкранов вперемежку с назойливой попсой безудержным потоком идет так называемая реклама – навязчивая, лживая, бесконтрольная пропаганда, вызывающая раздражение и отвращение, предлагающая либо эрзац и подделки, либо недоступную большинству сомнительную роскошь.

А.М.Ермолаев

Ермолаев внимателен к сотрудникам кафедры и ученикам. Чуткость проявляет всегда и во всем.

Очень деловит. Не переносит болтунов и трепачей, отделывающихся словами, не вносящих реального вклада в общее дело, а думающих лишь о собственной выгоде.

Вырос на наших глазах в настоящего ученого-физика, одержимого, талантливого, преданного науке, любящего ее. Воспитывает молодую научную поросль, свою смену.

Не могу не сказать о речи Ермолаева. Он умеет очень веско, по-деловому выступать с сообщением перед формальной аудиторией. Прислушайтесь к доносимой им до слушателя четкой разметке положений, несмешению посылок и выводов.

Мне нравится, что нет в его речи ни неприятных для слуха повторов, чем грешат иные административные ораторы, ни слов-паразитов, число и качество которых, как по мановению моды, изменяется.

Нет в его лексиконе ни а-каний, ни э-каний, которыми почти поголовно заражены телекомментаторы и корреспонденты многих каналов телевидения; ни выражений вроде “будем говорить так”, “скажем так”, “в общем-то”, “Вы знаете”, “понимаете”, “вот” и подобного словесного мусора, столь неприятного в обыденном общении, а еще более разящего слух при выступлении с трибуны.

Ермолаев лишен этих недостатков, у него природный иммунитет к такой словесной заразе. Хочется, чтобы и дальше было так, а с него брали бы пример любители поговорить перед аудиторией.

А.М.Ермолаев

Увы, у нас не принято учить людей хорошему тону выступлений, особенно это было бы полезно разного уровня чиновникам и политикам. Риторика в хорошем смысле давно стала ненужной, процветает косноязычие.

Любитель художественной литературы и застолья, Ермолаев никогда не отказывается провести время в хорошей компании людей, близких по духу и интересам. У него очень много друзей и родственников, которым щедро достаются его внимание и забота. Ермолаев пользуется уважением не только ближайших сотрудников и студентов, но и коллег по факультету и за его пределами.

Добавлю, что в этих заметках совершенно не затронуты: друзья, родственники и любимое родное для Ермолаева Лебяжье, о которых зато он сам рассказывает в своих воспоминаниях “Мои университетские

учителя”, а также небольшая уютная квартира, где обитает наш герой. Нет конкретного изложения научных достижений Ермолаева, что потребовало бы выхода далеко за рамки сложившейся формы данной серии воспоминаний (впрочем, некоторое представление об этом дают прилагаемые список избранных его трудов и сжатая биографическая справка для “Золотого фонда Университета”).

Мне очень хотелось, чтобы этот текст не походил на стандартный юбилейный адрес, но уйти от некоторых высокопарностей оказалось невозможно.

А.М.Ермолаев на юбилее В.В.Ульянова 26 июня 1984 года

Человек отдал всю жизнь служению одному делу – ФИЗИКЕ. Во всех ее проявлениях. И она отблагодарила его своей благосклонностью, доставляя высокие чувства удовлетворенности и вдохновения постижением ЕЕ.

А.М.Ермолаеву посвящена книжка, из которой взят данный фрагмент воспоминаний и где есть упомянутые дополнительные материалы:

Рашба Г.И., Ульянов В.В. Алексаедр Михайлович Ермолаев. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 14. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. – 44 с.

Е Р М О Л А Е В

Отрывки из баллады (см. в Приложении на CD)

Бодр. Подтянут. Аккуратен.
Вежлив. Выбрит и опрятен.
Любит сладости и кекс,
Юмор, радости и секс.
Быстродум. Оперативен.
Надо где – консервативен.
У него стальные нервы –
Десять лет стоял в резерве.
Он не курит, редко пьет,
Наркоту не признает
И молоденьких путан
Уж не водит в ресторан.
Любит крупные зарплаты.
Не рогат, не бородатый.
Не бузит, стихов не пишет,
Крепко спит, неплохо слышит.
Не заика, не картавит,
Не сопит, не шепелявит.
Он не лысый, не носатый,
Не хромой и не горбатый.
На гитарах не играет –
Тишину предпочитает.
Уж не ходит в дискотеки,
А сидит в библиотеке.
Он не толстый, не усатый
И не слишком волосатый.
Не блюдет он строго пост,
Любит краткий, емкий тост.
Не судился, не служил,
Приглашался – и вступил.
В облаках он не витает,
Теор-лекции читает.
И декан, и даже ректор
Знают - он прекрасный лектор.

И студентов терпеливо
Учит формулам. О диво!
И ему не надоели
Все еще теор-модели.
Славный физик-теоретик
Любит неферромагнетик
Помещать в магнитном поле,
Облучив затем. Доволен,
Что барахтаются спины
Волновой его картины.
Поздравляя молодца,
Добрались мы до конца.
В завершение баллады -
Пожелания в усладу:
Будь здоровым, милый Саша,
Утешение ты наше.
Веселись и в меру пей
В Новый Год и в Юбилей.
Благоденствия! Достатка!
Чтобы было все в порядке.
Чтоб улыбочка почаще
Появлялась. Настоящий,
Неподдельный был бы смех.
Радостей тебе, утех
На работе и в науке.
Совершенствуй ноги, руки,
Спину, талию, мозги.
Боже! Саше помоги!

К 16 июня 1993 года

Олег Иванович Любимов

Друзья ... признавали его особенный дар привлекать к себе людей, в полном смысле очаровывать их – умом, веселостью, откровенным обращением.
Е.Н.Цимбаева

С огромным удовольствием мы с Александром Михайловичем Ермолаевым взялись отметить 65-летие нашего славного коллеги выпуском небольшой книжечки о нем.

Ермолаев А.М., Ульянов В.В. Олег Иванович Любимов. Серия воспоминаний об ученых-физиках. Вып. 16. – Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2005. – 28 с.

О.И.Любимов

При этом Александр Михайлович столь подробно описал жизнь и деятельность Олега Ивановича, что мне остается лишь добавить кое-что из своих воспоминаний, связанных с Олегом Ивановичем.

Первомайское послание

Дело было накануне майских праздников 1981 года. Меня только что избрали заведующим кафедрой теоретической физики, а день рождения Олега Ивановича – Первого Мая. И вот что написал я о нем в одном из первых своих распоряжений по кафедре (там высказано все так, как было в действительности):

“Распоряжение № 3 (20)

Дорогие коллеги, милые друзья!

Пусть эти первые дни Мая будут для всех нас настоящим праздником!

И да настанет Весна, наконец!

А пока Олегу Ивановичу – Сорок Одно!

Ему – наши улыбки, объятия, поздравления!

Дорогой Олег (Иванович)!

В этот особый день разреши при поздравлении перейти на ТЫ.

ТЕБЕ – 41.

Ты в расцвете сил, Ты нужен кафедре. Ты – старший товарищ нашей молодой кафедральной поросли. Ты опора кафедры. Тебя ценят и любят.

Знают, что Ты делаешь все по-настоящему и никогда не рассчитываешь на внешний эффект. Скромно, без шума, суеты и рекламы Ты добросовестно выполняешь все свои служебные и гражданские поручения. Ненавязчиво и незаметно помогаешь вести дела кафедры.

Умеешь сочетать принципиальность собственного мнения с уважением к взглядам других и сознанием необходимости иногда подчиниться воле обстоятельств.

Ты – молодой отец и заботливый муж, все умеющий хозяин дома и кафедры. Ты – ученый, отдающий умения и знания ученикам и не стремящийся к личной славе.

Будь же и впредь тем человеком, от которого светло на кафедре в прямом и переносном смысле.

От имени кафедры – В.Ульянов”.

Не раз мы с Олегом Ивановичем переходили на «ты» во время совместных застольных бесед, но в повседневной жизни мое уважение к нему до сих пор не позволяет делать этого. Высокое обращение в этом послании может как-то оправдать прямое обращение к Тебе – Олег, Олежек, дорогой наш Олег Иванович.

Турист

Однажды во время работы в пригороде Харькова, когда мы уютно устроились передохнуть. Игорь Иванович Фалько, Олег Иванович и я. Олег рассказал нам очень трогательную историю своего северного туристического похода.

Секретарь

После смерти Леонида Степановича Гулиды в 1973 году, когда заведующим нашей кафедрой стал Игорь Иванович Фалько, Олег Иванович стал исполнять роль секретаря кафедры, занимаясь делопроизводством.

Олег Иванович всегда любил фотографировать. Все кафедральные события сопровождались его съемками, так что в архиве нашей кафедры запечатлены многие уникальные личности и происшествия. Фото Олега Ивановича послужили основой многих стендов и книг, включая данную.

О.И.Любимов

Воспитатель

Заботливое отношение Олега к нашим молодым преподавателям. В частности, Олег уступил свою очередь на доцентство молодому коллеге Льву Владимировичу Чеботареву.

Докторская диссертация

Давно уже Олег должен был стать доктором наук, однако, уделяя основное внимание молодым, он постоянно отдавал им часть своих материалов в коллективных статьях, считая, что на его долю приходится недостаточное количество материала.

Советчик

Олег Иванович исключительно мудрый человек. По любому вопросу он всегда даст дельный совет. Причем поможет не только словами, но и делом. Безотказный товарищ.

Семья

Отдаваясь преподавательской и научной работе, Олег Иванович служит примером трогательного отношения к своим семейным делам. Воспитал замечательную дочь, а теперь возится с двумя внуками. Ему повезло с женой: Кира активный человек – мотор семьи.

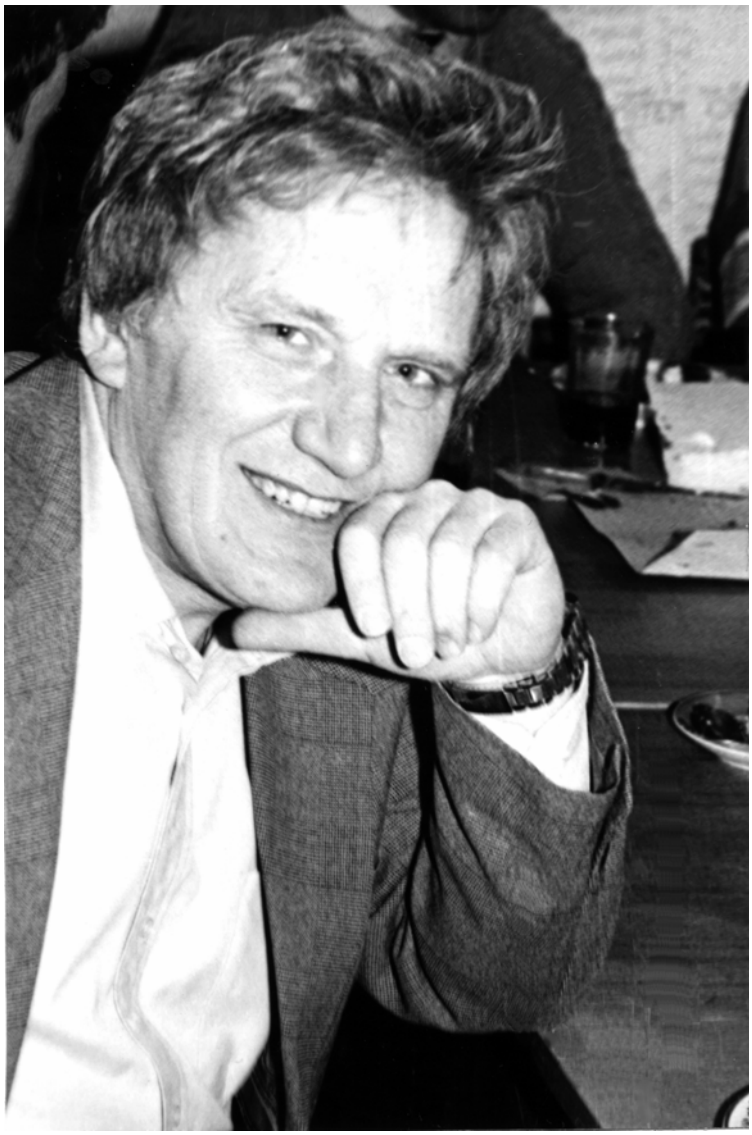
Застолье

Олег Иванович любит посидеть в дружеской компании. Ему всегда есть о чем рассказать. Его тосты наполнены искренней симпатией к тостуемому. Он всегда умеет найти веские нетривиальные слова.

Таков наш герой – мудрый, отзывчивый, заботливый, преданный, умный, скромный.

Самыми высокими эпитетами можно наделять Олега Ивановича, зная, что это никак не вызовет его зазнайства. Фамилия «ЛЮБИМОВ» как нельзя лучше отражает его человеческие качества и отношение к нему окружающих его людей.

Пусть и впредь озаряет кафедру добрая усмешка этого замечательного человека, отдающего всего себя воспитанию научной смены физиков-теоретиков.



О.И.Любимов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие А.М.Ермолаева 3

Илья Михайлович Лифшиц. 4

Моисей Исаакович Каганов 25

Лев Элеазарович Паргаманик. 31

Леонид Степанович Гулида 36

Борис Иеремиевич Веркин 45

Арнольд Маркович Косевич. 53

Виктор Моисеевич Цукерник. 58

Валентин Григорьевич Песчанский. 61

Эмануил Айзикович Канер. 65

Александр Ильич Ахиезер 68

Владимир Петрович Галайко 71

Игорь Иванович Фалько 74

Александр Михайлович Ермолаев 79

Олег Иванович Любимов 88

Науково-популярне видання

Володимир Володимирович Ульянов

СПОГАДИ ФІЗИКА-ТЕОРЕТИКА
Частина перша

Відповідальний за випуск О.М.Єрмолаєв

Підп. до друку 15.03.08. Формат 60х84 1/16. Папір офсетний.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 5,2. Обл.-вид. арк. 5,9.

ХНУ ім. В.Н.Каразіна, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.

Издания кафедры теоретической физики имени академика И.М.Лифшица (вклад Ульяновых)

К 200-летию Харьковского университета

Серия монографий и учебных пособий

1. В.В.Ульянов. ВСТУП ДО КВАНТОВОЇ КІНЕТИКИ. – 2004.
2. Ю.В.Василевская, В.В.Ульянов
   НОВЫЕ КВАЗИТОЧНОРЕШАЕМЫЕ МОДЕЛИ В
   КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ СПИНОВЫХ СИСТЕМ. – 2005.
3. Е.Н.Синельник, В.В.Ульянов
   ФРАКТАЛЫ: ОТ МАТЕМАТИКИ К ФИЗИКЕ(+CD). – 2005.
4. В.В.Ульянов. О КВАЗИКЛАССИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЧАСТИЦ
   В ПОЛЯХ С ОСОБЕННОСТЯМИ. – 2002.
5. В.В.Ульянов
   ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ. Ч. 1. – 2002.
6. В.В.Ульянов
   ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ. Ч. 2. – 2002.
7. В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
   И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 1. – 2003.
8. В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
   И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 2. – 2003.
9. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
   И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 3. – 2004.

17. А.М.Ермолаев, Н.В.Ульянов. СПИНОВЫЕ ВОЛНЫ В
    НЕФЕРРОМАГНИТНЫХ ПРОВОДНИКАХ С ПРИМЕСНЫМИ
    СОСТОЯНИЯМИ ЭЛЕКТРОНОВ. – 2006.

19. A.M.Ermolaev, N.V.Ulyanov. ELECTRON SPIN WAVES IN
    NONMAGNETIC CONDUCTORS WITH RESONANCE STATES OF
    ELECTRONS. – 2008.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний о Детях физмата

1. В.В.Ульянов
   А Н А Т О Л И Й И В А Н О В И Ч Ш А Р А П О В. – 2002, 2007(CD).

2. В.В.Ульянов. Н А У Н И В Е Р С И Т Е Т С К О Й. – 2002, 2007(CD).

3. В.В.Ульянов. М О Й Д Р У Г Т О Л Ь К А (А Н А Т О Л И Й Г А В Р И Л О В И Ч К Л А Д К О В О Й). – 2002, 2007(CD).

4. ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

   Ч.I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Дзюба А.С., Перваков В.А., Сизова З.И., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2002.

   Ч. I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С., Гапон Э.В, Иванов И.Г., Кондратьев Б.В., Мерисов Б.А., Ульянов В.В., Хижковый В.П., Шарапов А.И. - 2002.

   Ч.I I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С.,КозинецВ.В., Кондратьев Б.В., Николаев Г.Т., Ульянов В.В.,Шарапов А.И.- 2002.

   Ч.IV. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Ульнов В.В., Чебанова Т.С. - 2002.

   Ч.V. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Валиев Б.М., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Сизова З.И., Ульянов В.В. - 2002.

Ч.VI. Сборник рассказов. Барьяхтар В.Г., Гребенник И.П., Креснин А.А., Манжелий В.Г., Пустовалов В.В., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.

Ч.VII.Сборник стихов.Николаев Г.Т.,Рогинкина Н.А.,Рофе-Бекетов Ф.С., Сизова З.И., Степановский Ю.П., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2003.

Ч.VIII. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.

Ч.IX. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.

Ч.X. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Ульянов В.В., Хижковый В.П., Яцук К.П. - 2003.

Ч.XI. Сборник стихов. Бирюков В.Я., Кан Я.С., Николаев Г.Т., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Шарапов А.И., Яцук К.П., Яцук Л.П. - 2003.

Ч.XII. Сборник рассказов. Боярский Л.А., Гребенник И.П., Малеев В.Я., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Чебанова Т.С. - 2004.

Ч.XIII. Сборник рассказов. Ковинько Н.М., Мазель Е.З., Ривкина Э.М., Розенберг В.Я., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2008.

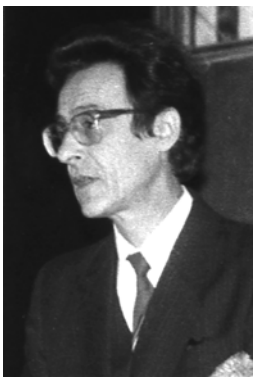
5. В.В.Ульянов. КАК МЫ ПРАЗДНОВАЛИ 50-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА (+CD). – 2007.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний о жизни в XX веке

1. В.В.Ульянов
   Д О В О Й Н Ы (1934-1941). – 2002.
2. В.В.Ульянов
   В О Е Н Н Ы Е Г О Д Ы (1941-1945). – 2002.
3. В.В.Ульянов
   В Ш К О Л Е (1945-1952). – 2002.
4. В.В.Ульянов
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1934-1950). – 2003.
5. В.В.Ульянов
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1951-1954). – 2003.
6. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1955-1957). – 2003.
7. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1958-1961). – 2003.
8. В.В.Ульянов. Д В А Д Н Я В А Л У Ш Т Е. – 2003.
   (Волейбольные грёзы)
9. В.В.Ульянов. Д В А Д Ц А Т Ы Й Д О М. – 2003.
10. В.В.Ульянов. 5 0 Л Е Т С П У С Т Я. – 2003.
11. В.А.Ульянов
    ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ. – 2003.
12. В.А.Ульянов. МОЯ ПОЕЗДКА В США И ОБРАТНО. – 2003.
13. В.А.Ульянов. С Т Р А Н И Ч К И Ж И З Н И. – 2003.
14. В.В.Ульянов
    Р О Д О С Л О В Н А Я Н А Ш Е Й С Е М Ь И. – 2004.
15. В.В.Ульянов
    П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е. – 2004.
16. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
    Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1962-1967)+CD. – 2006.
17. В.В.Ульянов
    П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е (2-е изд., доп.). – 2007.
18. В.В.Ульянов
    В И К Т О Р Е В Г Е Н Ь Е В И Ч Р У Б А Н О В И Ч (+CD).– 2008.
19. В.В.Ульянов
    М О Я М У З Ы К А Л Ь Н А Я И С Т О Р И Я (+DVD).– 2008.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний об ученых-физиках

1. В.В.Ульянов
   И Л Ь Я М И Х А Й Л О В И Ч Л И Ф Ш И Ц. – 2001, 2007(+DVD).
2. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   М О И С Е Й И С А А К О В И Ч К А Г А Н О В. – 2001.
3. В.В.Ульянов. ЛЕВ ЭЛЕАЗАРОВИЧ ПАРГАМАНИК. – 2002.
4. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
   Л Е О Н И Д С Т Е П А Н О В И Ч Г У Л И Д А. – 2002.
5. В.В.Ульянов
   Б О Р И С И Е Р Е М И Е В И Ч В Е Р К И Н. – 2002.
6. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   А Р Н О Л Ь Д М А Р К О В И Ч К О С Е В И Ч. – 2002.
7. В.В.Ульянов
   В И К Т О Р М О И С Е Е В И Ч Ц У К Е Р Н И К. – 2002.
8. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ П Е С Ч А Н С К И Й. 2002.
9. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   Э М А Н У И Л А Й З И К О В И Ч К А Н Е Р. – 2002.
10. А.М.Ермолаев, Ю.П.Степановский, В.В.Ульянов
    А Л Е К С А Н Д Р И Л Ь И Ч А Х И Е З Е Р. – 2002.
11. В.В.Ульянов
    АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ Ж Е Л Е Х О В С К И Й. – 2003.
12. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
    В Л А Д И М И Р П Е Т Р О В И Ч Г А Л А Й К О. – 2003.
13. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
    И Г О Р Ь И В А Н О В И Ч Ф А Л Ь К О. – 2003.
14. Г.И.Рашба, В.В.Ульянов
    А Л Е К С А Н Д Р М И Х А Й Л О В И Ч Е Р М О Л А Е В. –2003.
15.
16. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
    О Л Е Г И В А Н О В И Ч Л Ю Б И М О В. – 2005.
17. В.В.Ульянов. Л А Н Д А У В Х А Р Ь К О В Е. – 2008.
18.
19. В.В.Ульянов. ВОСПОМИНАНИЯ ФИЗИКА-ТЕОРЕТИКА. Ч.1. – 2008.